

Колос

2
ФЕВРАЛЬ
1970

Костёр
2
ФЕВРАЛЬ
1970

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

— В Самару за хлебом!
О мужестве и находчи-
вости бойцов, выполняв-
ших приказ Ленина, рас-
сказ „За Литейным мос-
том“

5

Так вот что означает муж-
ское воспитание!

18

Лев ушел из дома, но ку-
да же он попал в конце
концов?

28

Удивительные истории
происходили во время
Третьего слета участни-
ков игры „Зарница“

44

Сегодня „Костер“ открыв-
ает свой кино клуб. При-
глашаем всех!

53

Олимпийский чемпион
Виктор Санеев ведет от-
крытый урок в школе
„Спринт“

60

ЕНИСЕЙСКАЯ БАЛЛАДА

В. Торопыгин

«...В своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея... Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

А. П. ЧЕХОВ

Саяны

Какие они, Саяны?
Розовые!

Вы можете усомниться: почему же розовые? Ведь Саяны — вы читали — высокие горы, покрытые темно-зелеными лесами, и лишь кое-где на их склонах клубятся сизые дымки облаков.

И все-таки они розовые!

Когда мы ехали на строительство Саяно-Шушенской ГЭС, машина остановилась у взорванной скалы (скалу взорвали, чтобы проложить дорогу), и вот тут-то я и увидел, что Саяны в этих местах — сплошь розовые.

— Саянский мрамор, — объяснил мой спутник.

Я наклонился и взял осколок.

Он сейчас лежит передо мной — кусочек розовой енисейской стены.

Шушенское в июле 69-го

Таких щитов-объявлений, как в Шушенском, я еще никогда не видел: «Комсомольско-молодежная бригада. Объект: «Строительство волостной управы».

Или:

«Бригада товарища Петрова. Объект: «Питейное заведение».

Или:

«Бригада коммунистического труда — сооружение купеческой лавки».

Весело было ходить по строительной площадке! Визжали пилы, стучали топоры, и звонко смеялись плотники, потому что им — комсомольцам, работавшим на прославленных ГЭС, — нынешнее дело их рук было неожиданным.

На широкой улице человек, стуча каблуком в остатки разбитой мостовой, приказывал:

— Убрать! Убрать! Никакого асфальта! Земля и доски!

Еще до приезда в Шушенское я, конечно, знал, что здесь вокруг дома крестьянина Зырянова, в котором жил во время ссылки Владимир Ильич, строится «мемориальная зона», музей крестьянского быта на открытом воздухе, но просто не предполагал, что сооружение идет так весело.

Я отошел к берегу Шуши, еще раз окинул взглядом площадку и представил себе музей уже готовым.

Вечереет над избами. Порозовела от заката пыль на дорогах, потемнели окна. А в крайнем доме — зыряновском — одно окно светится... Все — как при Ленине!

Красноярская ГЭС

Начальник строительства Красноярской ГЭС Андрей Ефимович Бочкин стоит над шахтой для турбины:

— Восьмая смонтирована, скоро пустим... Это место — для девятой... Ждем рабочее колесо.

А я все время оглядываюсь по сторонам и не могу найти сравнения, чтобы охарактеризовать гигантскую величину плотины.

Я не видел египетских пирамид, но знаю: камень на сто пятьдесят метров в небо. ГЭС, как египетская пирамида, — других сравнений пока не приходит.

Туман

Плывем вниз по Енисею, на север.

Ранним утром берега окутаны туманом — невысокий, он все-таки целиком закрывает тайгу. Над туманом — ясное белесоватое небо, и по нему — широко шагающие опоры линии электропередачи. Они тоже — как бы по колено в тумане.

В Туруханске

В Туруханск наш теплоход прибыл ночью. Стоянка — два часа.

— Пойдемте посмотрим на домик Свердлова, — предложил кто-то. — Сюда Яков Михайлович был сослан вместе с другими большевиками.

— Как же пойдем? — удивился мой сосед — Ведь ночь...

— Ночь-то ночь... Но она — белая!

И мы пошли: действительно, не все ли равно, когда смотреть на домик — днем или ночью, — если и ночью светло!

Почему так называли магазин

В Игарке третий дом от речного вокзала — магазин. Над его входом — крупные буквы: «Егорка».

Я спрашиваю идущую навстречу женщину:

— Это, наверное, «Детский мир»? Товары для мальчиков? Хорошее название...

— Нет, — отвечает, — «Егорка» — универсальный магазин. Товары для всех.

Я брожу по дощатым тротуарам и все думаю: «Почему так называли магазин?»

Вечером узнаю вот какую историю...

Давным-давно жил в этих местах всего один человек. Приплыл он издалека, срубил избушку на берегу Енисея, стал рыбачить, охотиться.

Услышали о поселенце в ненецких зимовьях; молва утверждала, что зовут нового соседа Игаркой (от этой молвы и название города).

А на самом-то деле звали охотника Егором Ивановичем Ширяевым, Егором, Егоркой, — это в ненецком произношении он Игарка, — его именем и магазин назван — именем первого жителя этих мест.

Вечная мерзлота

Я спускался в Игарке в подземную лабораторию к срезу почвы и могу сказать, какая она, вечная мерзлота.

Слой серой волнистой почвы, слой похожего на черное стекло льда. Слой серой волнистой почвы, слой похожего на черное стекло льда... Как слоеный пирог.

Дудинка

Теплоход наш пришел в Дудинку, в конечный порт путешествия, ранним утром. Солнце только восходило. Ясными спокойными лучами оно освещало мачты кораблей и порталные краны.

Мачты и краны были разноцветными: белыми, красными, желтыми, черными. Они не составляли сплошной линии — они располагались группами. Я не мог оторвать от них глаз: каждая группа представлялась мне законченной картиной. Я вспоминал, как один человек объяснял мне слово «компоновка»: «Только замечательный художник может создать из частей целое...» — и думал: «Какой замечательный художник нынешнее утро!»

Северное сияние

Норильск — за 69-й параллелью.

Северного сияния я там не видел, но видел огни: отсветы цехов комбината, яркие фонари, неон. Весь город — как северное сияние.

Сколько озер на Таймыре?

В воскресенье мы ехали из Норильска в Талнах. День стоял ясный, солнечный. По ту и другую сторону дороги, за невысокими деревцами, мелькали разноцветные «Волги» и «Москвичи». Как правило, машины располагались возле небольших озер. Норильчане купались...

— Смотрите, сколько озер! Почти непрерывная череда, — сказал кто-то.

Гид подтвердил:

— Озер на Таймыре очень много. Больше, чем в Карелии. А сколько их здесь — пока еще никто не подсчитал.

Зима в зиме

Вот какую историю рассказала мне в Талнах заведующая детским садом:

— А ведь ребяташки наши, несмотря на то, что за Полярным кругом живут, зимы-то могли бы и не увидеть! Зимой у нас минус пятьдесят — минус пятьдесят пять. В такую погоду погулять не выйдешь. Вот мы и решили: построить для малышей зиму в зиме. Вас интересует, как мы это сделали? Очень просто: соорудили крытый двор и стали там минус двенадцать — минус пятнадцать поддерживать. Так что и наши северные ребята могут теперь и в снежки играть, и на санках кататься.

За литейным мостом

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

И. Булыкина, Н. Ермолович

Рисунок В. Бескаравайного

В СМОЛЬНОМ

Эшелон мчится все дальше и дальше от Самары. Сквозь приоткрытую дверь теплушки видны снежные заволжские просторы.

Морозно. Солнечные лучи причудливо преломляются в огромных сосульках, свисающих с крыш станционных зданий, проносящихся мимо. Платформы пусты. Только одинокие фигурки дежурных встречают и провожают состав.

На транспорте разруха. Нет угля, паровозы и вагоны износились за годы войны. Пассажирские поезда не ходят, товарный и то редко увидишь...

А эшелон летит и летит. Постукивая на стрелках, врывается на станции, грохочет на мостах, озорными гудками будоражит уснувшие в зимней спячке деревеньки.

Настроение у бойцов легкое, веселое. Сидят на нарах, беззлобно подшучивают друг над другом, похихатывают. В теплушке уютно, привычно пахнет кожей, ружейным маслом, махоркой. Сизоватые колечки табачного дыма выплывают из полусвета в яркий сноп солнечных лучей и, внезапно подхваченные залетевшим ветерком, стремительно уносятся наружу.

Александр стоит у самой двери, прислонясь плечом к стенке вагона. Морозный ветер покалывает щеки; глаза, ослепленные снежным блеском, полузакрыты. Хорошо! Так бы и мчаться верста за верстой до самого Питера.

Внезапный взрыв хохота заставляет его прислушаться к голосам. Ну, конечно, опять Паша Кошелев кого-то разыгрывает.

— А в Питере-то на вокзале, — доносится до Александра Пашин голос, — народу, оркестров — видимо-невидимо. К встрече готовятся.

«Видать, с боями, сердешные, пробиваются, израненные все, прострелянные», — переговариваются на платформе. Тут телеграфист откуда ни возьмись, размахивает бумажной лентой. «Товарищи! Только что получено экстренное сообщение: геройский отряд красного комиссара Бакушева благополучно проследовал через станцию Любань...»

Пашка так естественно передает и разговоры на столичном вокзале, и крик телеграфиста, что ребята снова хохочут.

Александр улыбается. Что же, Пашка, пожалуй, прав. И в самом деле, зачем такой отряд? Он не понимал этого в Самаре, не понимает и сейчас. Слов нет, груз важный. В Питере голод. Ох как пригодится там волжская мучица. Но вот так трястись на нарах, томясь от безделья, когда заваруха в Поволжье только начинается... Нет, товарищи из губкома явно перестарались, дав ему под команду сорок бойцов. И пятерых бы за глаза хватило выполнить задание Ленина.

* * *

Октябрьская ночь, когда Александр Бакушев с товарищами охранял Литейный мост, словно разрубила жизнь пополам. По одну сторону осталось полуголодное детство, по другую — смутно грезилась новая жизнь, удивительная, непостижимая, которая должна быть совсем непохожей на старую. Еще не убрали вывески с двуглавыми орлами, еще мелькали в толпе шинели чиновников, но Александр понимал: к старому возврата нет. Как нет больше и прежнего Шурки. С той самой памятной ночи товарищи, не сговариваясь, стали уважительно называть его Александром.

Отряд не распустили. Наоборот, людей прибавилось и оружия тоже.

Разбитый враг копил силы. Там—подожгли склады, в другом месте чиновники растащили, разграбили до последней чернильницы собственный департамент. Везде требовался строгий рабочий глаз, крепкая рука с винтовкой.

Вызов в районный комитет не был неожиданным. Удивило другое: ничего не объясняя, им — нескольким командирам красногвардейских отрядов — велели немедленно отправиться в Смольный. Там, мол, все объяснят.

На площади перед Смольным еще чернели обгорелые поленья костров. Они пылали здесь в ночь восстания. Решетчатые ворота, ведущие в огромный двор, были распахнуты. Вдоль фасада стояло десятка полтора грузовых и легковых автомобилей. Две трехдюймовки по обеим сторонам главных дверей грозным своим видом, казалось, подчеркивали, что рано еще складывать оружие, — революция в опасности. Впечатление суровой настороженности подчеркивали и серое низкое небо, и порывистый ветер, трепавший верхушки деревьев, и хмурые, уставшие лица часовых-красногвардейцев.

После того как доложили о себе, поднялись на третий этаж. Длинный коридор привел в большую комнату, перегородленную не то барьером, не то деревянными диванами — не запомнилось это Александру — на две неравные части. У барьера за столиком сидел секретарь. А у входа стоял часовой. Прошли в следующую комнату.

— Совнаркомовская канцелярия, — тихо сказал кто-то из товарищей, уже побывавший здесь.

«Не очень-то наша власть к бумагам привержена», — подумал Александр, оглядывая

наполовину пустую комнату с несколькими шкафами, столами, стульями и единственной пишущей машинкой. У двух окон застыли пулеметы. Рядом — дежурные пулеметчики. Подальше еще одна дверь. Возле нее на часах латышский стрелок. Отворили дверь и вошли к Ленину.

Большинство, в том числе и Александр, видело Ленина только издали в день встречи на Финляндском вокзале, позже — на заводских митингах. А тут — вот он рядом.

Владимир Ильич легко поднялся из-за стола, вышел навстречу, с улыбкой пожал каждому руку, предложил сесть. Был он коренастый, широкоплечий. Перед восстанием, чтобы его не узнали шпики, Ленин сбрил бороду и усы. Теперь бородка уже отрастала, а усы были коротко подстрижены. Но больше всего запомнились смеющиеся, лукавые глаза. Таким умом, такой силой и бодростью веяло от внимательного, веселого ленинского взгляда, что Александру сразу легче стало на душе. Забылся надрывный скрип деревьев в саду у Смольного, хмурое небо, пушки у входа, пулеметы в канцелярии.

А Ленин тем временем знакомился с товарищами, расспрашивал, откуда кто, какую вел партийную работу.

Дошла очередь до Александра. Владимира Ильича больше всего заинтересовала его военная подготовка.

— Очень нам нужны военные люди! — сказал Ленин.

— Ну, какой я, Владимир Ильич, вояка. Штрафной батальон, Красная гвардия — и все. Без году неделя...

— Вы, товарищ, неправы, — строго прервал Александра Ленин. — Имейте в виду, что в ре-

волюции дело решают не годы, не месяцы, а дни и даже часы. Опыт, который вы приобрели сейчас, ни с чем не сравним. И понадобится он нам очень скоро. Сейчас враги пытаются задуть революцию голодом. Не выйдет — снова возьмутся за оружие. Да они его и не складывали. Предстоит жестокая борьба. Ну, а пока главное для революции — хлеб. Не мне рассказывать вам, питерским пролетариям, что делается на заводах, в рабочих районах города. Надвигается голод. Этого нельзя допустить. Хлеб в деревне есть. Его нужно добыть и эшелонами отправить в Питер. Вас рекомендовали районные комитеты партии. Возглавьте отряды, которые немедленно отправятся в центральные губернии, в Поволжье. Вы понимаете необходимость и чрезвычайную важность таких мер?

— Да! Конечно!

— Тогда не будем терять времени. Чем быстрее вернетесь, тем лучше. Разузнайте настроение крестьян, присмотритесь к местным делам, помогите товарищам. Словом, почувствуйте себя полномочными представителями революционного Петрограда.

На следующий день, прихватив братьев Кошелевых и еще нескольких красногвардейцев, Александр выехал в Самару.

Хлеб в Самаре и точно был. С помощью губернского и его председателя Валериана Куйбышева снарядили целый эшелон. И отряд пополнили до сорока человек, — будто им в Самаре делать нечего. Но в ревкоме и слышать не хотели никаких возражений: «Мы тоже за хлеб перед Лениным в ответе. Дорога дальняя, с отрядом надежнее».

Так и поехали.

ПЕСОК В БУКСАХ

Внезапно в вагоне посветлело. Кто-то сильным рывком распахнул дверцу настежь. Под полом гулко застучали на стыках колеса. Два паровоза, замедлив ход, втягивали состав на огромный мост. В напряженной тишине, сразу сменившей безудержное веселье, опять заговорил Пашка, теперь уже совсем другим голосом:

— Вот она, Волга-река. Красавица!

Сгрудившись у открытой двери, бойцы молчали. Стоявший впереди Александр слышал за собой только шумное дыхание взволнованных парней.

Слегка припорошенная снегом голубоватая

гладь замерзшей реки ослепительно сверкала и искрилась мириадами солнечных зайчиков. У крутого берега ребятишки, казавшиеся с высоты моста совсем крохотными, тащили в гору салазки. Еще дальше легкими столбиками вились в небо дымки невидимой за пригорком деревни.

Поезд еле полз по середине моста. Оборвали свою песню колеса. И такая безмятежная тишина стояла над миром, такая красота и покой были кругом, что у многих бойцов сжалось сердце. И, наверное, каждый подумал о том, как непрочен этот покой и обманчива эта тишина.

...В Сызрани эшелон загнали на запасный путь.

Посланный к дежурному боец возвратился ни с чем, — тот и разговаривать с ним не стал.

— Ладно, — комиссар поправил ремень и машинально передвинул кобурю нагана, — сейчас все выясним. Леха Кошелев остается за старшего. Пронин, Алексеев, Савушкин, Павел — за мной!

И легко спрыгнул на мерзлую в разводах жирных мазутных пятен станционную землю, зашагал вдоль состава.

Дежурный, тощий, небритый, заметив приближающихся к нему вооруженных людей, сделал попытку юркнуть в боковую дверь.

Пашка опередил его.

— Вынос тела состоится позже, — выразительно посмотрев на позеленевшего от страха железнодорожника, проговорил он. — А сейчас отвечай, где жезл, почему не отправляешь? Ну?

Дежурный икнул.

— Погоди-ка, Кошелев, — Александр слегка отстранил Пашку и вышел вперед.

— Очевидно, вы не знаете, кто мы, — начал он тихо и внятно. — Так вот. Самарские рабочие собрали для голодающих детей и женщин Петрограда эшелон хлеба. Нам поручено доставить его к Ленину. Требуем без задержки пропустить состав.

Видя, что с ним разговаривают спокойно и убивать не собираются, дежурный немного оправился.

— Ничего-с не могу поделать, гражданин комиссар, — залебезил он, старательно запахивая полу широченной шинели, словно пряча в ней что-то. — Ничегошеньки-с... И знать-с не знаем вас, и слышать-с не слыхали... Только-с господин... виноват-с, гражданин начальник станции могут-с дать разрешение. Я человек маленький...

— Пошли! — круто поворачиваясь к дежурному, бросил на ходу Александр.

Издали за сценой на платформе наблюдали несколько железнодорожников. Один из них, пожилой, в лоснящемся от масла и ветхости ватнике, догнал комиссара.

— Слышь-ка, сынок, — тронул он Александра заскорузлым негнувшимся пальцем. — Врет ведь все иуда с красным верхом, — и он ткнул тем же пальцем в дверь, куда скрылся дежурный. — Только перед вашим подходом был у них тут с начальником разговор. Пузатый ему кричал: «Не приказано пускать в Петроград составов — и все тут! Умри, а не пропусти!»

— Это кем же приказано? — поинтересовался Александр.

— Кем... Известно кем, этим, как его... Тьфу ты, и не выговоришь натошак. Во, вспомнил — Викжелем. Это он теперь у нас на дорогах верховодит — Всероссийский профессиональный союз железнодорожников. Только скажу я вам, ребятки, хрен редьки не слаще. Видать, много в нем сволоты меньшевистской и эсеровской сидит. Вроде наших недобитых...

— Ясно. Ну, спасибо, батя, прочистил нам мозги. А то мы в дороге все больше видиками интересовались, а о контре и думать забыли. А она-то, оказывается, помнит о нас, не забывает...

Начальника в кабинете не оказалось, хотя все еще хранило следы его недавнего пребывания. На зеленом сукне стола в массивном серебряном подстаканнике остывал стакан крепко настоенного чая. Рядом лежал рассыпанный сахар, брошенный впопыхах бутерброд.

Наливаясь холодной яростью, Александр кивком головы показал бойцам на стол.

— Видали? Не пускать в Питер состав! А то, что там голодают...

Закончить он не успел. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился Леха.

— Почему оставил эшелон? — обернулся к нему Александр.

— К эшелону, товарищ комиссар, теперь воробей не пролетит — всюду караулы расставлены. А только уезжать отсюда поскорее надо. Ушли вы, мы с ребятами стоим, курим. Какой-то тип, с виду смазчик, идет себе, под вагоны заглядывает, молоточком по колесам постукивает. Прошел, поздоровался чин-чином. Тут Смотрикову понадобилось под вагон. Отошел он в сторону. Нагнулся, чтобы подлезть, глядь, а возле колес песок просыпан. Смотриков сам кочегаром на маневровом был, разбирается, что к чему. Завопил он истошным голосом. Мы к нему. А он на буксу показывает, а там песку полно. Аварию, гады, решили устро-

ить. Кинулись мы того паразита искать, да где там! Его и след простыл.

— Немедленно к эшелону! — комиссар смотрел на Леху, и было видно, как перекатываются, сгоняя румянец со щек, вздувшиеся желваки. — Никого не подпускать!

Кошелев исчез.

— Вот что, — Александр обвел взглядом насупившихся бойцов, — душа из них вон, а что бы жезл был.

Начальника так и не нашли. Зато тощего дежурного отыскиали у телеграфистов.

Толкнув дверь с дощечкой: «Аппаратная. Посторонним вход воспрещен», бойцы вошли в просторную комнату, где на длинных столах стояло несколько телеграфных аппаратов. Работал только один. Цокая ключом, сидел юнец-телеграфист, а над ним, что-то диктуя, склонился дежурный.

Теперь вид его несуразной фигуры вызвал у комиссара вполне определенное чувство. Гнусавое бормотанье на платформе становилось в один ряд с бегством начальника и песком в буксах. За всем этим Александру чудился невидимый, притаившийся враг.

Оглянувшись на стук двери, дежурный снова повернулся, запахивая полу форменной шинели.

Александр не выдержал. В прятки, что ли, с ним играют? Один бегаёт как черт от лада-на, другой прячет что-то. А эшелон стоит...

Гнев захлестнул его. Неуловимым движением рванув кобуру, он выхватил наган:

— Руки вверх!

Телеграфист остался сидеть с вытаращенными глазами, не в силах оторваться от ключа. Длинные же рукава шинели дежурного, послушные команде, взметнулись вверх. Ничем не придерживаемая пола распахнулась, что-то с легким стуком выпало из шинели и свалилось под стол.

Поднятые вверх рукава задрожали, обнажая худые грязные руки.

— Стоять спокойно, — Александр ткнул его в сторону стволом нагана. — Кошелев, посмотри-ка, что там.

Павел мигом вытащил из-под стола круг толстой проволоки.

— Жезл! Вот подлюга!

— Это не я! — снова обрел дар речи дежурный. — Честное благородное, не я! Умоляю, верьте мне, — зачастил он, но уже без всякого кривлянья.

— А кто же?

— Начальник! Честное слово — начальник!

— Вас бы с начальником за саботаж — к стенке! Да не охота руки марать, — пряча наган и сразу остывая, проговорил Алек-

сандр. — Взять его! В Питере разберемся, что за гусь!

Конвоируемый бойцами дежурный, тяжело волоча ноги, поплелся к составу. На перроне посмеивались железнодорожники.

— Ты его, комиссар, на паровоз приспособь кочегаром. Не смотри, что тощий, выдюжит — жилистый.

У эшелона редкой цепью с винтовками наперевес стояли бойцы. Машинист, подхватив жезл, побежал к паровозам.

Дежурный с тоской уставился на видневшиеся из-за вагонов крыши станционных зданий. Крепкие руки подхватили тощее тело, приподняли и втокнули в теплушку.

...Опять загрели колеса. Полетели мимо телеграфные столбы, перелески.

Прежнего веселья в вагоне уже не было. Арестованный, забившийся в самый угол нар,

сидел не шелохнувшись. Само присутствие постороннего человека, казалось, напоминало бойцам о том, что впереди может быть всякое.

— Так и будем этого хлюпика охранять? — ни к кому не обращаясь, недовольно пробурчал Павел.

— Тебе этим заниматься не придется, — шагнул на середину вагона комиссар. — Назначаешься старшим ударной группы. Выбери пятерых. Задача — добывать паровозы, жезлы, машинистов, одним словом — обеспечивать движение. Остальным — разойтись по всему эшелону. Ничего не поделаешь, придется померзнуть на площадках. Но зато хлеб доставим быстро и в целости. Ясно?

Дорога была предупреждена о движении необычного эшелона. В этом убедились уже на следующей станции.

БЕШЕНЫЙ КОМИССАР

В потемневшем небе зажигались звезды. Александр, не вылезая, посмотрел вдоль эшелона. У самых вагонов неясно угадывались фигуры бойцов. Светились огоньки самокруток. По соседней колее пропыхтели спаренные паровозы.

— Эй, комиссар, — закричали оттуда, — кланяйся Питеру!

«Прежде нужно туда попасть. Теперь вот паровозы добывай». Александр взял Павла за ремень винтовки.

— Иди, Паша. Действуй от имени революции. Помни, кто нас в Питере ждет, чье задание выполняем. С саботажниками не церемонься. Будут упорствовать — арестовывай.

Павла долго не было. Стало совсем темно. Только фонари на стрелках одиноко мерцали в кромешном мраке.

Неожиданно где-то вдали залаяли собаки. Потом все опять смолкло.

Прошло еще немного времени. Павел ушел к станции в направлении головы состава. Вернулся он с противоположной стороны. Слышно было, как у последнего вагона резкий настояренный голос прокричал:

— Стой! Кто идет!

И без передышки угрожающе добавил:

— Стрелять буду!

В наступившей за окриком тишине все услышали хруст снега под приближающимися шагами и звук клацнувшего затвора часового.

Это был Павел. Рядом с ним маячил чей-то силуэт.

— Где остальные?

— Полный порядок, комиссар. Ребята повели бригаду в депо. Разведут пары и сюда. Если бы ты знал, что было! Умора, право слово. А вот и нашему сызранцу попутчик. Начальник паровозного депо. Тоже саботажник. Одним словом, два сапога — пара. Вдвоем им до Питера не будет скучно.

Пока ждали паровоз, Павел рассказывал о своих приключениях. Пошли они на станцию. Там — шаром покати. В депо такая же картина. К счастью, возле угольной ямы попался дед в тулупе — сторож.

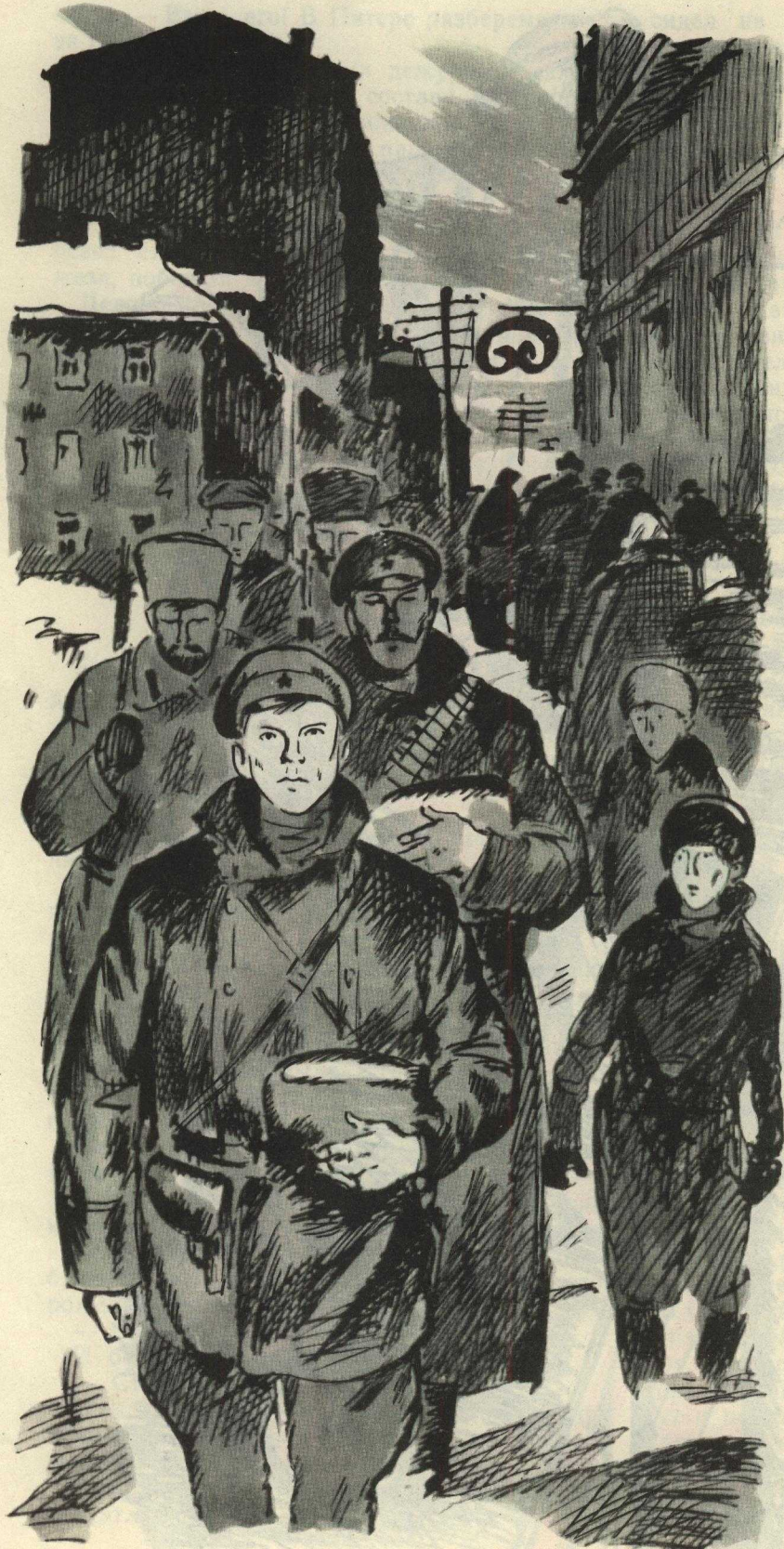
На вопрос, где начальство, дед хмыкнул: «А пес его знает. Должно, ветром сдуло». И добавил словоохотливо: «Здесь по линии вроде тревоги объявлено. Бают, из Сызрани выступали — эшелон несется. На нем комиссар бешеный. То ли золото в Питер везут, то ли пушки — не поймешь. Только всех, кто попадется на глаза, стреляют».

Александр не мог удержаться от смеха:

— Ну и ну! Вот арапы. А ты ему что?

— Брешешь, говорю. Дед на своем стоит. «В Сызрани, — отвечает, — почитай всех перестреляли. А дежурного, царствие ему небесное, комиссар бомбой долбанул, так от него, горемыки, мокрого места не осталось. У нас тут и попрятались все». Пришлось в поселок идти, по квартирам разыскивать, из чуланов да погребов вытаскивать бригаду... Бабы причитают, мужики трясутся, как на казнь собираются...

— Лишь бы не задержали. Вот и паровоз. Пусть твои ребята на нем останутся, а то как бы бригада не удрала. Ищи потом ветра в поле.

В Инзе эшелон приняли на первый путь.

— Видать, подействовало, — самодовольно хмыкнул Леха.

Состав, замедляя ход, приближался к станционному зданию. Предчувствуя недоброе, Александр на ходу выпрыгнул на платформу. На ней никого не было.

И вдруг из всех дверей высыпали солдаты и развернулись в цепь, мигом ошестинившуюся штыками. Пожилые бородатые лица, на высоких барашковых шапках белые кресты.

«Ополченцы», — догадался Александр.

Этих степенных бородачей оторвали от сохи в последний год войны и вот до сих пор не отпускали по домам.

Впереди шел офицер. Из-под башлыка, надетого на форменную фуражку, торчали усы. В руке наган. От нагана к кобуре тянулся шнур.

Офицер остановился, выпятил и без того крутую грудь. Цепь тоже остановилась. Штыки двух бородачей почти касались спины офицера.

— Пр-риказываю, — раскатило и привычно закричал офицер, — сдать оружие! В пр-ротивном случае буду вынужден открыть огонь!

Александр лихорадочно соображал. Положение казалось безвыходным. Что значили его сорок бойцов, да еще рассыпанные по всему эшелону, по сравнению с ротой ополченцев? В грудь каждому бойцу смотрел не один штык. Дело решали секунды.

— А ну, ребята, помогите!

Несколько рук подсадило комиссара на крышу теплушки.

— Товарищи солдаты! — раздался его громкий голос.

Ополченцы задрали вверх бороды. На крыше вагона

стоял молодой белобрысый парень. Кожаная куртка распахнута. Лицо румяное, но строгое.

— Нам от вас нечего скрывать. Мы, питерские рабочие, — продолжал Александр, — ведем из Самары голодающим детям и женщинам Петрограда хлеб, муку. Просим вас пропустить. Оружия не сдадим. Если хотите обогреть свои руки рабочей кровью, стреляйте!

Притихшая цень внимательно слушала комиссара. Только офицер вертелся как на иголках. Не выдержав, он высоко поднял руку с наганом и прокричал: «Р-р-рота!..»

Но ему не дали закончить. Бородач, стоявший за офицером, ударил винтовкой плашмя по вытянутой руке офицера. Наган повис, беспомощно болтаясь на шнуре. Офицер сгорбился и как-то боком прошмыгнул мимо расступившихся солдат.

Цепи не стало. Перед Александром стояла толпа пожилых мужиков в солдатских шинелях и с оружием в руках. Ополченцы галдели. До комиссара доносились выкрики:

— Пуцай едут!

— Зачем людям мешать!

От толпы отделилось несколько бородачей и подошло к бойцам. Александр успел спуститься вниз.

— Слышь, парень, — сказал один из них, — где старший ваш, комиссар-то?

— Я комиссар.

Бородачи в изумлении переглянулись.

— А брехали — бешеный!

Прислушивавшиеся к разговору бойцы засмеялись. Улыбались, все еще не веря до конца, и солдаты. Уж очень не походил этот невы-

сокий румяный крепыш, годившийся каждому из них в сыны, на злодея-комиссара, о котором шустрые телеграфисты раструбили на всю дорогу.

Но, видно, и впрямь парень — комиссар. К тому же кожаная куртка, наган...

— Слышь, комиссар! А от нас с собой возьмешь — к Ленину?

Так крепко помогли только что эти пожилые крестьяне, столько робкой просительности было в их басовитых простуженных голосах, что Александр не выдержал.

— Ладно, двоих беру. Только паровоз помогите достать.

Весь остальной путь для Александра слился в нескончаемую вереницу удивительно похожих друг на друга станционных помещений и железнодорожных чингов. Всюду было одно и то же. Увещевания, угрозы — с одной стороны, тайное или явное противодействие продвижению эшелона — с другой. И почти на каждой мало-мальски крупной станции Пашкина команда волокла в вагон какое-нибудь упирающееся начальство.

Запомнилось только Сасово. Поздней ночью, когда вконец измотавшиеся бойцы вздремнули, загорелось несколько вагонов. Их облили керосином и подожгли. Пламя потушили. Перегрузили зерно. Одного из поджигателей срезал меткой пулей Савушкин. Незнакомое, заросшее густой щетиной лицо, прожженная солдатская шинель, обмотки, рваные ботинки. А руки, хоть и грязные, но видно, что не знали работы, без мозолей...

СНОВА У ЛЕНИНА

Впереди был Петроград. Родные, знакомые с детства места. Не потому ли утих молодой комиссар?

Мысли бежали то спокойно, плавно, то летели наперегонки, не успевая сменить одна другую... Матери и сестер увидеть не придется. Спасаясь от голода, они уехали в Уфу.

Еще перегон-другой и столица. Эшелон подкатит под нарядный стеклянный свод Николаевского вокзала. Сколько раз уезжал он отсюда, скрываясь от полиции. Потом неприметно, тайком возвращался. А сейчас... Шутка-ли, целый состав хлеба! Измотались, охрипли, но все-таки доставили в полной сохранности. И не как-нибудь, а всего-навсего за трое суток. Это когда в мирное-то время от Самары до Петербурга поезда двое с половиной суток шли.

Совсем недавно был Александр у Ленина, а

кажется — не месяцы, годы с той поры промчались. Сколько новых людей, сколько событий!

Мысли перенеслись в Самару. Вспомнились председатель ревкома Куйбышев, другие товарищи... И как удачно его в дорогу снарядили, точно наперед знали, что ожидает эшелон. А он-то, хорош... Обижался, когда такой отряд давали. Мол, зачем.

Из задумчивости Александра вывела, как ни странно, наступившая тишина. Замолкли самые заядлые говоруны, утихли признанные остряки. Даже бородачи-ополченцы прекратили бесконечные разговоры о земле, семенах, лошаденках.

— Ну, что пригорюнились? — вставая и направляя плечи, спросил Александр.

Ему не ответили.

Помолчали.

— Скоро и Питер, — как бы про себя вздохнул Леха. — Как-то там теперь?

— Товарищ комиссар, — свесил голову с верхних нар Савушкин, — верно, что вы лично у товарища Ленина были и он вас в Самару за хлебом послал?

Все повернули головы к комиссару. Спавший боец громко всхрипнул. Ему отвесили хорошего тумака. Ничего не понимая, боец вскочил и, поводя ошалевшими ото сна глазами, попытался было заорать, но чья-то рука прикрыла ему рот фуражкой.

— Тихо, парень, — произнес ласковый и укоризненный голос. — В Питере отоспишься. Послушай лучше. О Ленине...

Так долго и подробно рассказывать о Владимире Ильиче Александру еще не приходилось. И он с радостью и волнением понял вдруг, как связана его короткая и бурная жизнь с жизнью вождя революции... Камера в Александрово-Невской полицейской части. Там впервые услышал молодой токарь о Ленине. Потом партийные поручения — и в каждом чудилось задание Ильича. Митинги, забастовки, подполье, — Ленин говорил, что партия должна быть боевой, вести за собой рабочих. Ленин, партия открыли ему глаза, заставили поверить в собственные силы, понять, что и он, пареньек с Выборгской стороны, кое на что способен. Встреча Ильича на Финляндском вокзале, вызов в Смольный...

Ребята были готовы слушать и слушать. Но Александр сам спохватился.

— В Любани немного задержимся, — переходя на обычный деловой тон, неожиданно закончил он. — Помыться, почиститься. Не к кому-нибудь, к Ленину идем.

Счастье идти к Ленину выпало немногим. Не мог же комиссар забрать с собой весь отряд. Да и эшелон надо было стеречь. Отобрал десятерых бойцов, ополченцев прихватил. Каждый взял в руку по буханке хлеба — Ленину в подарок.

Пошли. Площадь у вокзала пуста. Трамваи не ходят, извозчиков не видно. Только высится посредине мрачной глыбой «пугало» — памятник царю Александру III.

Бородачи было сдернули с себя шапки, но Павел прикрикнул на них:

— Перед кем ломите! Ему самому давно голову свернули. Эх, деревня...

Повернули за угол.

Завьюженный, в сугробах неубранного снега тянется Суворовский проспект. Многие окна на первых этажах заколочены, кое-где из разбитых стекол торчат подушки. Лавки закры-

ты. А на панелях, как траурная кайма, темнеют бесконечные очереди за хлебом. Скорбные лица женщин, бледные, повзрослевшие — ребята... Стоят молча; видно, берегут силы. Только прозрачные облачка пара от дыхания да легкое покачивание — чтобы согреться, оживляют толпу.

Давно ли уехал Александр из родного города, а как все неузнаваемо изменилось. И в Самару, конечно, доходили вести о том, что в Питере очень трудно. Но одно дело — слушать, другое — видеть собственными глазами...

Отряд движется по узкой дорожке, протоптанной посреди мостовой. На него никто не обращает внимания.

Неожиданно несколько человек, как завороненные, усталились на бойцов, за ними повернулись другие. Ребятишки, а потом и взрослые, перебравшись через сугробы, едва поспевая, догоняют отряд. Очереди у закрытых лавок тают, стоит только с ними поравняться бойцам. Словно снежный ком, растет и растет толпа, сопровождающая красногвардейцев.

Почему такое? Александр оглядывает ребят. Отряд как отряд, прожженные шинели, кожанки, винтовки, наганы. Этим в столице никого не удивишь.

Но не на бойцов смотрит толпа. Люди не верят своим глазам. В руках у красногвардейцев буханки пышного пшеничного хлеба. С такой золотистой ноздреватой корочкой, которую петроградские дети видят только во сне.

Бойцы смущенно переглядываются. Вокруг, куда ни глянешь, молящие детские глаза, вконец исхудавшие ручонки. Не выдержав, кто-то отламывает кусок хлеба. Его примеру следует другой, третий... Остается всего несколько буханок. Бойцы вопросительно смотрят на комиссара.

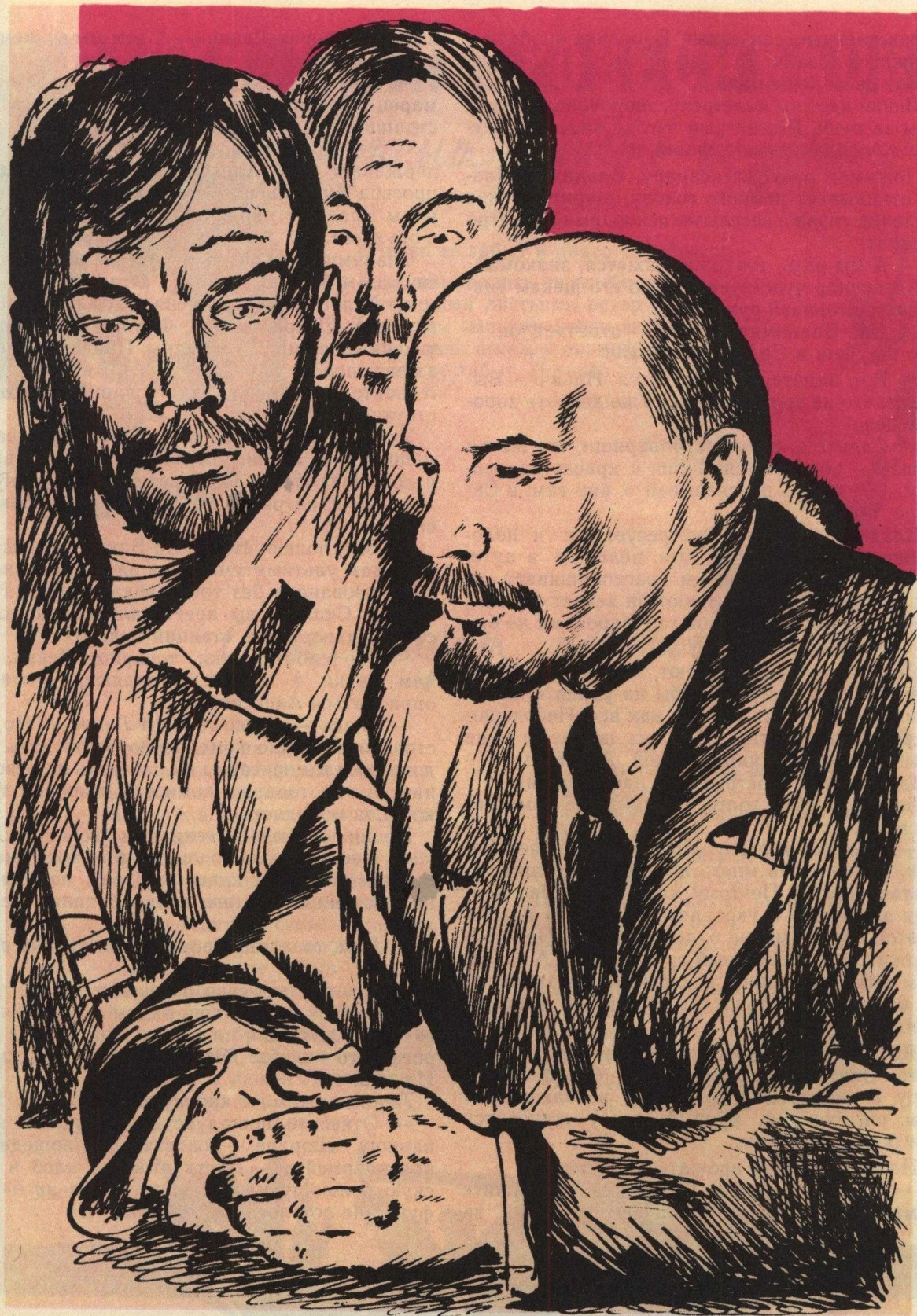
— Нельзя, — тихо говорит Александр. — Это товарищу Ленину.

Вот и Смольный. Площадь у штаба революции похожа на военный лагерь. Стоят орудия, броневики, строятся отряды моряков, красногвардейцев. Народу много, но порядок строгий.

Караул останавливает отряд. Вызывают коменданта.

— Доложите товарищу Ленину, — обращается Александр к вышедшему моряку, — что мы привезли питерским рабочим подарок от революционной Самары.

Моряк уходит. Потом возвращается — разрешение получено. Поднимаются по лестнице, идут знакомыми коридорами. Волнуясь, Александр смотрит на товарищей. Куда девалась их лихость и бесшабашность! Лица у ребят

просветленные, серьезные. Бородачи оробели и держатся позади.

Вот дверь, еще одна...

Ленин идет им навстречу, здоровается с каждым за руку. Его острый взгляд задерживается на бородачах-ополченцах.

Пожимая руку Александру, Владимир Ильич откидывает немного голову, щурит в узкие щелочки глаза с веселыми искорками и быстро говорит:

— А мы ведь, товарищ, кажется, знакомы!

Александр чувствует, как по его щекам разливается горячий румянец.

— Да, Владимир Ильич, — отвечает он. — Это вы меня в Самару посылали.

— Вот видите, — оживляется Ильич. — Выходит, что не зря посылали. Уже делаете хорошее дело!

— Садитесь, садитесь, товарищи, что же вы стоите! — обращается Ленин к красногвардейцам. — А теперь рассказывайте, как там, в Самаре.

Владимира Ильича интересует все: и положение на Волге, и то, что делается в пути. С особенным вниманием расспрашивает он ополченцев-крестьян. Знают ли декрет о земле, понимают ли, что без союза с рабочими не было бы ни мира, ни земли?

Пока бородачи отвечают, бойцы разглядывают Ильича. Встретили бы на улице и не подумали, что Ленин. Такой, как все. Небольшого роста, лысоватый. И голос: не бас, а тоже обыкновенный, с картавинкой. А вот глаза — сразу заметно — острые, все насквозь видят.

Беседа длится долго, но никто не замечает времени.

— У молодой республики, — напоминает Ленин, — еще очень много врагов. Предстоит тяжелая борьба. Поэтому каждый из нас должен защищать и укреплять советскую власть. В этой борьбе мы не будем одиноки. Нас поддержит международный пролетариат. А самим нам нужно сохранить и упрочить союз рабочего класса и крестьянства. Вот в чем сила революции.

Ясные слова Ильича доходят до сердца каждого. Они вызывают бодрость, безграничную веру в окончательную победу революции. И сам он, простой, мудрый, сразу становится близким и дорогим...

Наступает пора прощаться.

— От всех рабочих Петрограда передайте самарским рабочим большое спасибо за

хлеб, — говорит Ленин. — А чем мы можем помочь Самаре?

— Нам бы оружия, — сверкнул глазами самарец Пронин, — тогда никакая контра не страшна.

— Это правильно, Владимир Ильич, — поддерживает его Александр. — Единственная просьба Куйбышева — помогите вооружить отряды Красной гвардии. Очень плохо в Самаре с оружием...

Владимир Ильич на мгновение задумывается, потом быстро подходит к телефону:

— Алло! Соедините меня, пожалуйста, с товарищем Дзержинским. Феликс Эдмундович, у меня товарищи из Самары. Привезли хлеб, а взамен просят оружие. Надо им помочь. Приготовьте, пожалуйста, для товарищей соответствующие мандаты.

Уходить от Ильича не хочется. Александр мешкает, и Ленин, взглянув на него, вдруг вспоминает что-то. Он берет со стола пачку телеграмм и, потрясая ею, укоризненно произносит:

— Вот, полюбуйтесь: это Викжель предъявляет нам ультиматум. Из-за вашей горячности парализована и без того плохая работа транспорта. Сколько вы арестовали и привезли с собой начальников станций и депо?

— Это саботажники, товарищ Ленин, они нам палки в колеса вставляют, — пытается оправдаться Александр.

— Знаю, — твердо говорит Ленин. — Но арестованных нужно немедленно освободить. Мы должны и мы заставим их работать на революцию. А вас, товарищ комиссар, извиняет только ваша молодость.

Прощаясь, бойцы теснятся к двери.

— Пойдите, товарищи, а это кому же? — Владимир Ильич кивком головы показывает на сложенные на его столе буханки белого хлеба.

— Вам, товарищ Ленин, от самарских рабочих.

Александр невольно переводит взор с пышных буханок на стоящий рядом стакан жидкого чая и лежащий на нем тонкий ломтик суррогатного хлеба. Это завтрак Владимира Ильича.

Ленин нажимает кнопку звонка.

— Отнесите, пожалуйста, эти буханки к товарищу Цюрупе, — говорит он вошедшему красноармейцу. — Пусть отошлет хлеб в детскую больницу и проследит, чтобы ни одного фунта не осталось в Смольном.

СТИХИ ТВОИХ СОВРЕСНИКОВ

Никто не забыт и ничто не забыто

«Никто не забыт и ничто не забыто»—

Горящая надпись на глыбе гранита.
Потухшими листьями ветер играет
И снегом сыпучим венки засыпает.
Но, словно огонь, у подножья гвоздика.
Никто не забыт. И ничто не забыто.

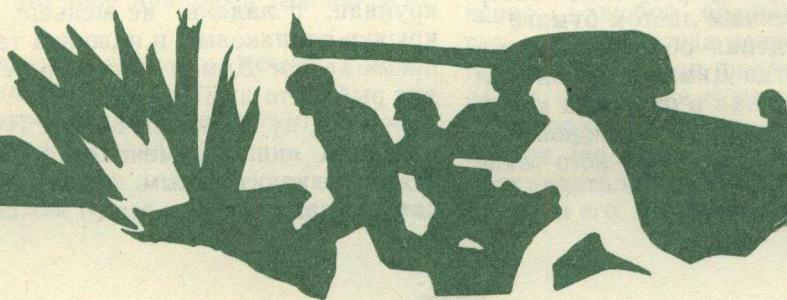
Саша Шамарин
г. Челябинск

Спит солдат на снегу

Спит солдат на снегу,
Укрываясь походной шинелью,
И несется над ним
Вся война вперемешку с метелью.
За солдатской спиной
Вид родного навек Ленинграда...
Спи, мой город родной,
Завтра кончится эта блокада!
Спит солдат на снегу,
Чуть сомкнув свои веки устало.
Спит солдат, не забыв
Своего боевого устава.
Если враг нападет,
Встанет он, будет биться, как надо,
За советский народ,
За великих людей Ленинграда.

Спит солдат на снегу,
От войны укрываясь шинелью,
И несется над ним
Вся война вперемешку с метелью.
И во сне далеко
Он уносится с ветром куда-то.
Спит солдат, и рукой
Прижимает приклад автомата.
Ну, а завтра в бою,
Подрывая фашистские танки,
Будет мстить он врагу
За родную Неву и Фонтанку,
За родной Ленинград
И за всех дорогих ленинградцев...
Будет завтра солдат
До последнего вздоха сражаться.

Вася Цецегов
г. Ленинград

МУЖСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ПОВЕСТЬ

Борис Никольский

Рисунки Н. Еустова

6.

В воскресенье вечером Димка с отцом отправились на рыбалку. Отец уже давно обещал Димке выбрать свободный вечерок и махнуть на озеро. Но вечерок этот что-то никак не выбирался. То отец решал, что слишком долго уже не присутствовал на вечерней поверке, и шел вечером в казарму, то заступал в наряд — дежурным по части, то проводил беседу с нарушителями дисциплины, то принимался, как он говорил, за писанину: мудрил целый вечер над аккуратно расчерченным листом бумаги — готовил для штаба сведения об успеваемости.

Еще в те времена, когда Димка с мамой жил у бабушки и отец приезжал в отпуск, к концу отпуска он всегда становился беспокойным, начинал нервничать, говорил, что у него такое

ощущение, будто в роте что-то произошло, будто его там ищут, и успокаивался только тогда, когда садился в поезд. И теперь мысли его тоже все время были заняты ротой. Причем заботы его часто были какие-то совсем не командирские, как казалось Димке. Надо выделить двух человек красить забор в подшефном детском саду — а кого? Надо срочно отремонтировать канцелярию роты — а чем? Надо провести дополнительные занятия по огневой подготовке — а когда? До рыбалки ли тут!.. Вот и откладывался их поход со дня на день.

...На озере стояла такая глубокая предзакатная тишина, что казалось, ударится мотылек о воду — и то слышно! А вода застывшая, гладкая. Забросить удочки в такую воду — одно удовольствие: едва ткнется рыба в наживку, поплавок уже чутко вздрагивает.

И клев был хороший. Казалось, рыба только ждала, когда явятся сюда Димка с отцом. Но вот странно — у Димки поплавок плясал почти непрерывно, успевай лишь выдергивать, однако попадалась все мелочь, окуньки да плотва с палец величиной. А у отца клева-ла рыба не часто, но зато уж если клевала, так крупная, с ладонь, не меньше. Вроде бы и крючки одинаковые, и наживка та же самая — никак не мог Димка понять, в чем секрет, видит рыба, что ли...

— Пап, ну скажи, почему... Ну, пап...

А отец лишь посмеивался с таинственным и многозначительным видом — наверное, и сам не знал, почему.

Окончание. См. «Костер» № 1, 1970 г.

Когда стемнело, отец развел маленький костер и принялся чистить рыбу, Димке чистить рыбу он не доверял. Были вещи, которые он всегда делал сам. Например, всегда сам пришивал подворотнички к гимнастерке и сам гладил брюки — не доверял это маме. Когда шила мама, она обычно вдевала в иголку короткую нитку, а отец — длинную, чтобы не вдевать лишний раз. «Ты — как черт, который с портным состязался, — смеялась мама, — дай-ка лучше я пришью...» Но отец никогда не соглашался. Наверно, как привык еще в училище, так и считал, что пришивать подворотнички — не женское дело, что никто это не сделает лучше него. Или вот — чистить рыбу, пойманную собственными руками...

Потом они сидели вдвоем у костра, слушали, как булькает вода в котелке. Отец ломал ветки и бросал их в огонь. А Димка смотрел на его руки. Руки у отца большие, сильные. На правой руке — узкий шрам. Шрам начинается у запястья и скрывается под гимнастеркой. Это отец однажды помогал вытаскивать засевший газик, а трос оборвался и хлестнул его по руке.

— Пап, — неожиданно спросил Димка, — правда, что тебя не любят солдаты?

— Что? — Отец резко выпрямился. Димке даже показалось, что он вздрогнул. Будто Димка причинил ему боль. Димка даже не решился еще раз повторить свой вопрос.

— Кто тебе это сказал? — спросил отец. — С чего ты придумал?

— Да так... — замялся Димка. Не мог же он рассказать отцу про Лебедева и не мог объяснить, что давно уже собирался спросить его об этом, да все никак не мог решиться; чем дольше собирался, тем труднее было произнести эти слова, просто язык не поворачивался... А сейчас они сорвались сами собой, и Димка уже жалел об этом — зачем сунулся? Так долго ждал этой рыбалки, и вот теперь сам все испортил...

Он сидел, сжавшись, не глядя на отца, не зная, что теперь будет: вдруг отец рассердится, а может быть, и вообще не захочет больше разговаривать с ним...

— Что за манера, — сказал отец, — намекнуть и в кусты? Раз уж заикнулся, так договаривай. С чего это тебе пришло в голову? Кто тебе внушил?

— Ну, солдаты говорили, — нехотя сказал Димка, — тогда, после тревоги...

Ему не хотелось снова причинять отцу боль, но что теперь он мог сделать?

Отец молчал, глядя в огонь. Тени и отблески пламени пробегали по его неподвижному лицу.

— Я как-то не предполагал, что ты об этом думаешь... — сказал он наконец.

— Видишь ли, — продолжал он, опять помолчав, — быть добреньким очень легко и приятно. Когда я служил еще солдатом, был у нас один такой сержант — из добреньких. Бывало, выведет нас в лес, подаст команду: «По ягоды разойдись!» — мы и довольны. Мы тогда все восторгались им: «Свой парень!» А теперь вот я вспоминаю его и вижу, что он был просто ленивый, недобросовестный человек, только и всего.

Отец замолчал, словно заколебался: стоит ли обо всем этом говорить с Димкой. Потом заговорил снова:

— Конечно, мне было не очень приятно услышать сегодня твои слова. Каждому командиру хочется, чтобы его любили. Но зарабатывать солдатскую любовь такой ценой я никогда не буду.

Что произошло тогда — во время тревоги? Прыгнули солдаты отлично, потом окопались, потом пятьдесят километров отмахали по жаре — короче говоря, вымотались окончательно. И отдых заслужили, ничего не скажешь. До казармы уже рукой подать, а тут еще «зараженную местность» надо преодолевать. Ну, и поторопились — кто защитных чулок не надел, кто накидку кое-как набросил, мол, сойдет, кто с противогазом замешкался. Я и вернул их. Потом еще раз. И еще. Пока во время не уложились, пока все не проделали, как положено. Думаешь, я не видел, что люди устали, что люди раздражены? И что они заслужили отдых, не понимал, думаешь? Я уж не говорю о том, что я тоже устал, это не в счет...

Первый раз отец говорил с Димкой так серьезно, и Димка затаился, сидел, не шевелясь, — он боялся: вдруг глянет отец, увидит, что перед ним всего-навсего только он, Димка, и замолчит...

— Думаешь, я не знал, что скажи я сейчас: ладно, хорошо, сойдет и так, солдаты были бы рады и похвалили бы меня — своего командира? Все это я знал. Но и еще знал: если я не научу их, то кто же научит? Если я не потребую, то кто же потребует? Возьми самое простое — противогаз. Если мы сегодня не научим, не натренируем солдата автоматически, мгновенно, в любой обстановке надеть противогаз — завтра, когда начнется война, будет уже поздно. Как бы он ни хотел, как бы он ни старался, он уже не сумеет сделать это. Это все разговорчики, что, мол, нужна заставка, нужна научит. Не научит. И перед смертью он будет проклинать нас, своих командиров, которые не научили его... А солдат ведь не только выжить

должен — он победить должен. Вот в чем все дело...

Димка молчал. Бегая по военному городку, глядя, как занимаются солдаты строевой, как учатся бросать гранаты, как преодолевают препятствия, он как-то никогда не думал ни о чем таком. Ему казалось, что стреляют солдаты только для того, чтобы научиться метко стрелять, бегают для того, чтобы быстро бегать, сидят за радиостанциями, чтобы хорошо знать азбуку Морзе... Он как-то никогда не думал о той главной цели, которая стояла за всем этим...

— Ну, ладно, что-то мы с тобой заговорились, — сказал отец. — И уха наша, наверно, переварилась...

Они ели горячую наваристую уху, их ложки стукались друг о дружку, и отец, смеясь, вспоминал о том, как рыбачил в детстве с бреднем, как ловил раков... Но, видно, очень больно задел его Димка своим вопросом, потому что в этот вечер отец все-таки еще раз вернулся к прежнему разговору. Они уже шли домой, шагали в темноте по обочине шоссе, когда отец вдруг сказал:

— Знаешь, никогда не старайся, чтобы тебя все любили. Это плохо, по-моему, когда тебя все любят... Если тебя все хвалят, если ты нравишься всем сразу, если с тобой все согласны, значит, посмотри, подумай — что-то ты делаешь не так...

Он сказал это и замолчал, больше ничего не стал объяснять Димке. И теперь уже до самого дома они шли молча.

Почему так получается?

Послушает Димка отца — кажется: отец прав. Послушает Лебедева — кажется: Лебедев прав.

«Неужели у меня нет никакого собственного мнения?» — думал Димка.

7.

— Хочешь посмотреть, как работает рация? — спросил Лебедев. — Приходи после обеда в радиокласс, я буду ее проверять. Задано научу тебя настраивать передатчик. Хочешь?

Он еще спрашивал!

Вообще, Лебедев — молодец. Всегда позовет, всегда скажет, где что интересное. Будь его воля, он бы и в самолет, наверное, взял Димку.

Сразу после обеда Димка побежал в радиокласс.

Он бежал по тропинке вдоль забора и палкой сбивал верхушки репейника. Р-раз! Р-раз! И вдруг почувствовал, что кто-то на него смотрит.

Доска в заборе опять была отодвинута и по другую сторону забора стояла девушка — та самая, которая спрашивала его однажды о Лебедеве. С тех пор Димка ее больше не встречал и совсем забыл о ней.

— Мальчик, подойди-ка сюда. Ну как, теперь ты знаешь Лебедева?

— Знаю, — сказал Димка. Он еще не решил, как ему следует относиться к этой девушке. Лебедев никогда ничего не говорил о ней.

— А позвать ты его можешь?

— Лебедев сейчас занят, — сказал Димка. Все-таки ему ни с кем не хотелось делить свое право на дружбу с Лебедевым.

— Ну, ладно, ты все же передай ему, чтобы пришел на минутку. Скажи — Тамара зовет. Хорошо?

— Хорошо, — неохотно согласился Димка. — Только он все равно не сможет. Вот увидите.

Когда Димка вошел в радиокласс, Лебедев, видно, только начал работать. Он вынимал из передатчика лампы и протирал их.

— Вас там зовет какая-то, — сказал Димка, — говорит, на минутку...

— Тамара? — обрадовался Лебедев. — Вот спасибо, что сказал. Слушай, Димка, будь другом, посиди здесь немножко, я мигом сбегаю. Если кто зайдет, скажешь, на склад ушел за лампами. Лады?

Он подтянул ремень, одернул гимнастерку и убежал.

А Димка остался один в классе. Он слышал, как за стеной кто-то монотонно и настойчиво повторяет: «Гранит, я Алмаз. Гранит, я Алмаз. Как слышно, я Алмаз, прием. Гранит, я Алмаз. Гранит, я Алмаз...» Видел, как из караульного помещения прошла смена — солдаты шли цепочкой, в затылок друг другу. Потом мимо окна протрусила лошадь с косматой гривой, за ней пробежал солдат. Димка знал: на этой лошади обычно возили продукты со склада в столовую, но запрячь ее было делом нелегким, тем более, что не так много находилось теперь солдат, умеющих как следует запрягать лошадь. Лебедев рассказывал, как однажды целый час ловил эту лошадь. Все хлебом хотел ее приманить, отламывал кусочек за кусочком и не заметил, как сам съел всю буханку.

Скоро Димке стало скучно. Он осторожно приблизился к рации, пощелкал переключателями, повертел ручки настройки. Надел наушники, попробовал вообразить себя радистом. Все равно скучно. Он никогда не умел играть один, сам с собой.

Сколько же прошло времени? Димка уже начал нервничать. А вдруг тревога? Что тогда делать? Или вдруг придет командир полка? Командира полка здесь все боялись. Димка

вовсе не испытывал желания познакомиться с ним на глаза.

Несколько раз в коридоре раздавались шаги, кто-то приходил и уходил, а Лебедева все не было.

И чем дольше сидел здесь Димка, тем неуютнее, беспокойнее чувствовал он себя — словно попал в чужую квартиру и теперь с минуты на минуту могут явиться хозяева.

Вот в коридоре снова зашуршала половица, кто-то шагнул — громко и уверенно.

Дверь распахнулась — на пороге стоял Димкин отец. Он взглянул на сына озабоченно, деловито, словно Димка был вовсе не Димка, а солдат, его подчиненный, и спросил:

— Где Лебедев?

— Он на склад ушел, — сказал Димка топорливо.

— Ты в этом уверен? — спросил отец.

— За лампами... — нерешительно добавил Димка.

— Давно?

— Нет... Недавно... — каждое слово давалось Димке с трудом. Он не решался взглянуть на отца и в то же время с ужасом чувствовал, что краснеет. И от этого краснел еще больше. И ничего не мог поделать с собой.

— Ну что ж, ладно, — сказал отец.

Он резко повернулся и вышел. Димка видел, как он прошел по асфальтированной дорожке, обсаженной кустами, потом приостановился на минуту, но не свернул направо, как должен был бы свернуть, если бы шел к казарме, а продолжал идти прямо.

«К складу!» — сообразил Димка.

Ясное дело, отец догадался, что Димка сказал неправду.

Сейчас он придет на склад и увидит, что никакого Лебедева там нет и не было. И тогда... Что будет тогда, Димка даже боялся вообразить. Отец не переносил, когда его обманывали.

О себе самом Димка в этот момент как-то не думал. Он думал о Лебедеве.

Лебедева надо спасти.

Он бросился к двери, потом снова к окну. Отец уже был далеко. Самое большее через десять минут он будет уже у склада.

И вдруг спасительная мысль мелькнула в Димкиной голове.

Надо предупредить Лебедева. И пусть он бежит к складу. Отец наверняка пойдет по дороге. А Лебедев побежит напрямик. Он успеет.

Димка выскочил из класса, пробежал по коридору, прыгнул с крыльца. И остановился.

А отец? Как же отец? Он даже не подозревает, что его сын...

Но раздумывать было некогда.

Только бы разыскать Лебедева!

Первой Димку увидела Тамара.

— Вон твой оруженосец бежит, — сказала она Лебедеву.

Они стояли друг против друга, и Лебедев держал ее за руку — наверно, прощались, а может быть, они все время так стояли, кто их знает.

— Лебедев, — стараясь отдышаться, сказал Димка, — тебя там командир роты ищет. — Первый раз Димка назвал Лебедева на ты. — Сейчас он на склад пошел.

— А, чепуха, — беззаботно сказал Лебедев, — что-нибудь придумаем...

Димка растерянно уставился на него. Вот тебе пожалуйста — он мчался, торопился, хотел выручить Лебедева, переживал за него, а Лебедев никуда даже и не собирался бежать.

Запыхавшийся, взволнованный, Димка сам себе показался сейчас смешным.

Он молча повернулся и пошел назад, к учебному корпусу.

— погоди, Димка! — Лебедев догнал его, пошел рядом.

— Не обижайся, — сказал он. — Ты молодец, что предупредил. Никто не застанет нас врасплох.

Димка молчал. Его мучила совесть. Она всегда начинала его мучить, когда было уже поздно. Как он посмотрит теперь в глаза отцу?

Вдвоем они вернулись в радиокласс, где на столе сиротливо стояла рация с вынутыми лампами.

Лебедев взглянул на часы, озадаченно почесал затылок.

— Н-да, — сказал он и принялся вставлять лампы.

Потом быстренько щелкнул переключателями, и Димка увидел, как дрогнули, качнулись невесомые стрелки за стеклами приборов, услышал, как зашуршало, зашумело в наушниках. Лебедев снова щелкнул переключателями — все стихло.

— Долго ли умеючи, — сказал он.

Он совсем забыл, что обещал сегодня научить Димку настраивать рацию. И Димка не стал напоминать.

Возле казармы они столкнулись с Димкиным отцом.

«Вот оно, — подумал Димка испуганно, — сейчас все выяснится».

Но отец даже не вспомнил про склад — может быть, он и не ходил туда вовсе, может

быть, все это напрасно напридумывал, навообразил сам Димка...

Отец только спросил:

— Ну, как, Лебедев, все сделали?

— Так точно, товарищ капитан.

— Проверили? Все в порядке?

— Так точно. Наша техника — самая надежная в мире, — весело сказал Лебедев. Никто бы другой, пожалуй, не решился так разговаривать с командиром. Да и Лебедев, наверное, не решился бы, если бы не было рядом Димки.

— Ох, Лебедев, — сказал Димкин отец, — когда вы перестанете болтать понапрасну?

На этом разговор и кончился. Но все равно Димка чувствовал себя неважно. Вот они стоят друг против друга, два человека — отец, которого любит Димка больше всех на свете, и Лебедев, дружбой с которым он дорожит и гордится и которому он только что помог обмануть отца... Димка не может без отца, но он не может и без Лебедева — почему он обязательно должен выбирать?..

8.

С самого начала Димка был уверен: что-то должно случиться, что-то должно произойти на стрельбах.

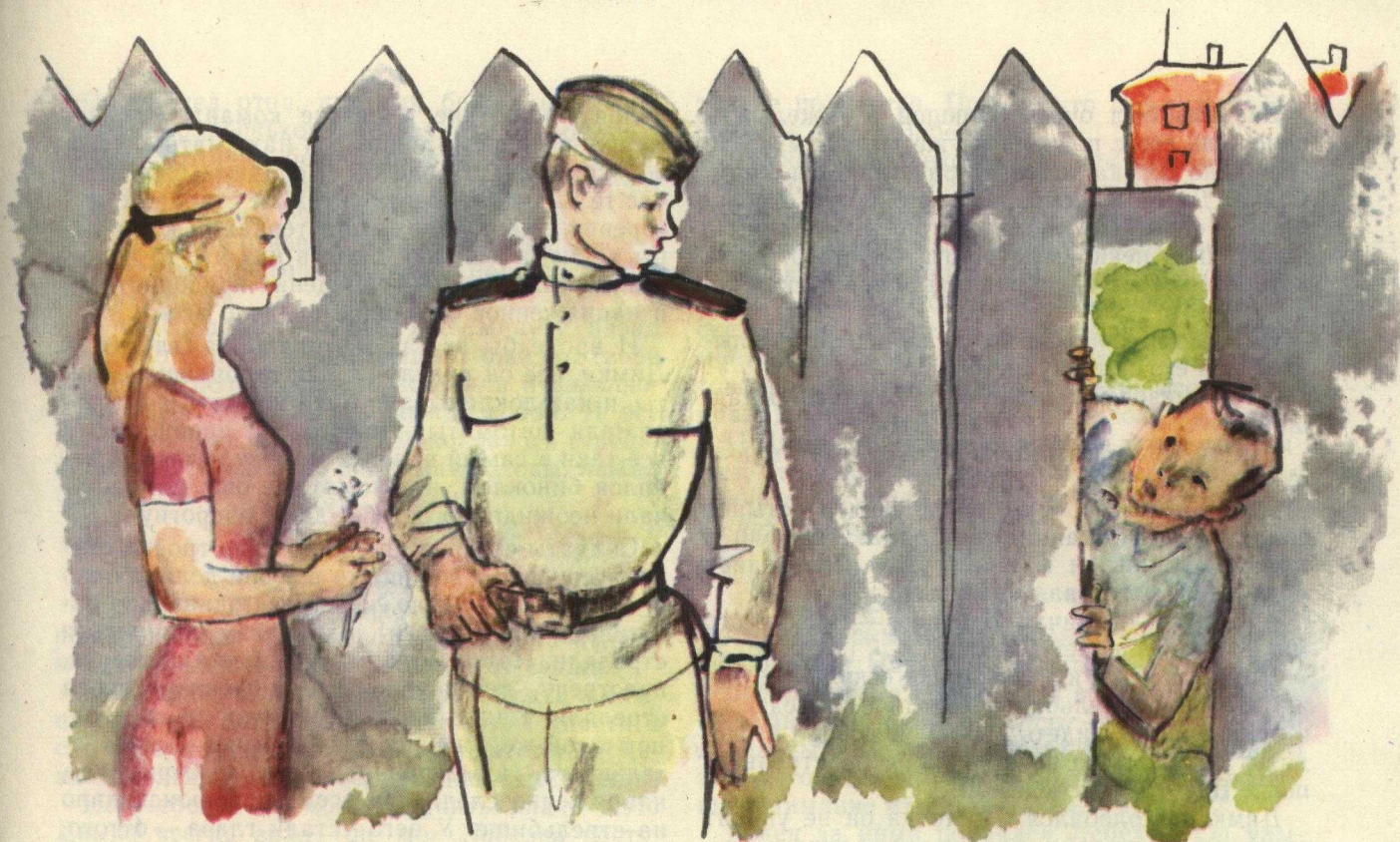
Уж очень много о них говорили, очень долго к ним готовились. И настроение у всех было приподнятое, даже торжественное, как перед праздником.

И хотя сам Димка, в общем-то, не имел никакого отношения к этим стрельбам, он переживал и волновался вместе со всеми. Утром солдаты учились правильно выходить на огневой рубеж, правильно ложиться и целиться, и Димка был тут как тут — смотрел, как у них получается. Вечером солдаты чистили автоматы — и опять Димка вертелся возле них.

Больше всего Димка боялся: вдруг отец не возьмет его на стрельбище. Не очень-то любит отец, когда Димка крутится у него под ногами. Впрочем, сказать «под ногами» — не совсем точно и даже просто смешно: за последний год Димка сильно вытянулся. Теперь он по плечо отцу. Ничего себе — «под ногами»!

Димка знал: отец не любит менять свои решения. Если решит, что Димке нечего делать на стрельбище, то, сколько ни упрашивай, сколько ни уговаривай, все равно не возьмет. Тогда хоть тайком пробирайся. Добраться до стрельбища — не сложно, всего три километра, важно только, чтобы там его не заметил отец.

Но Димкины опасения оказались напрасными. Сколько раз он уже ловил себя на том, что никак не может заранее угадать, как поступит отец. Напридумывает, нафантазирует —

переживает, волнуется, а на самом деле все оказывается куда проще. Сколько раз уже так было. Димка ждет, что отец рассердится, а отец вдруг начинает шутить. Он готовится спорить, доказывать, уговаривать, а отец соглашается с первого слова.

Так и в этот раз вышло.

Отец только кивнул и сказал:

— Конечно, можно. Как же там, на стрельбище, без тебя?

У него было хорошее настроение.

Но, видно, недаром говорят, что человеку всегда хочется большего. Как в «Сказке о золотой рыбке». Стоило только Димке удостовериться в том, что его право присутствовать на стрельбище не ставится под сомнение, как он тут же размечтался о том, что хорошо бы — разрешили ему пострелять. Хоть разок. Но об этом, конечно, не стоило даже и заикаться.

...К стрельбищу вела изъезженная пыльная дорога. Сначала показалась вышка с белым флагом, потом низенький домик, из которого доносилось тарахтенье движка, и затем уже Димка увидел все стрельбище. Хотя стрельбище раскинулось посреди холмов, поросших кустарником, оно чем-то напоминало городской пустырь. То там, то здесь среди зелени виднелись вытопанные глинистые проплешины, кое-где торчали обломки старых мишеней и покоренные ржавые рельсы. Вдали, за серой полосой бруствера, то показывались, то исчезали

темно-зеленые фигуры — мишени. Это операторы в последний раз перед стрельбами проверяли, все ли в порядке.

Раньше Димка думал, что на стрельбище все совсем просто: поставят мишени, постреляют, потом посчитают дырки. Вот и вся забота. А оказывается, на настоящем стрельбище совсем не так. Оказывается, от центральной вышки, от пульта управления к мишеням тянутся провода, закопанные в землю. Оператор сидит за пультом и только нажимает кнопки да щелкает переключателями. Срабатывают невидимые реле, приходят в движение электромоторы — мишени послушно поднимаются, движутся, падают. А на пульте вспыхивают маленькие лампочки — это значит, есть попадание, цель поражена.

Из дома Димка взял старый отцовский бинокль. Вернее, даже не отцовский, а дедушкин. На футляре — потускневшая металлическая пластинка с выгравированной надписью: «Комиссару товарищу Иванову от наркомвоенмора и РККА за умелые действия во время маневров». Димке особенно нравилось это звучное слово: «наркомвоенмор». Самого дедушку, маминого папу, Димка никогда не видел — дедушка пал смертью храбрых во время войны. А бинокль привез с фронта дедушкин товарищ — однополчанин. Теперь этот бинокль мама подарила Димке — чтобы Димка всегда помнил о дедушке.

Бинокль был очень большой и тяжелый — поносишь его с полчаса и уже шею ломит. Но все равно Димка не желал расставаться с ним. Сейчас Димка рассматривал в бинокль стрельбище — серые валуны, за которыми словно бы притаились невидимые враги, бруствер, из-за которого готова была подняться вражеская пехота...

Димка так увлекся, что даже не сразу услышал, как его окликнули:

— Толмазов-младший! А Толмазов-младший!

Так называл его только один человек в полку.

Димка быстро обернулся и увидел четырех солдат с радиостанциями. Солдаты сидели в кузове машины, и машина уже нетерпеливо подрагивала, готовая тронуться.

— Димка! — кричал Лебедев. — Поехали со мной! В оцепление! Поехали!

Димка шагнул к машине. На секунду он даже забыл о стрельбах. Поехать с Лебедевым в оцепление... Сидеть вдвоем в дозоре и следить, чтобы никто не пробрался на стрельбище... Вдвоем с Лебедевым...

Димка заколебался. Но тогда он не увидит стрельбы, не увидит, как стреляет рота.

Если бы он мог быть сразу и здесь и там. Он хотел и поехать с Лебедевым и остаться.

И почему отец назначил в оцепление именно Лебедева?

Димка не знал, что делать. Позови его Лебедев еще раз, и он бы, наверно, не выдержал. Но машина тронулась.

— Ариведэрчи, Дима! — крикнул Лебедев и помахал рукой.

Некоторое время облако пыли двигалось по дороге, и Димка следил за ним. Потом машина свернула за холм.

9.

Через полчаса машина вернулась пустая, оцепление было расставлено, все было готово к стрельбам.

Опустился на вышке белый флаг, и тут же медленно поднялся красный. Над стрельбищем прозвучал сигнал «Приготовиться».

Солдаты торопливо и ловко снаряжали магазины — черные рожки в их руках словно заглатывали один за другим желтые блестящие патроны. Радисты в последний раз проверяли связь с радиостанциями оцепления: «Первый, я огневой, как слышно, я огневой, прием».

Все были заняты, сосредоточены и серьезны, и Димку тоже вдруг охватило волнение, будто он здесь не только зритель, будто и ему предстоит выйти на огневой рубеж, предстоит вы-

полнять короткие и резкие команды, ловить мушку в прорези прицела и нажимать спусковой крючок... Вроде бы и солдаты были сейчас те же, что и всегда, в тех же стиранных, выгоревших на солнце гимнастерках, и командиры те же, а все-таки было в них что-то новое, незнакомое Димке — ощущение приподнятости и напряженное ожидание владело всеми.

И вроде бы все происходило на глазах у Димки, все он видел — и как строились солдаты, и как докладывали о готовности, и как заряжали автоматы — ничего не пропустил, а все-таки в самый важный момент отвлекся, занялся биноклем, и автоматные очереди застучали неожиданно, Димка даже вздрогнул.

Солдаты стреляли по трое. Одна тройка сменяла другую, и вообще-то все они делали одно и то же — одинаково ложились, одинаково натягивали противогазы, одинаково целились и стреляли. Потом поднимались, бежали вперед, навстречу темно-зеленым мишеням, снова стреляли. Каждый раз все повторялось в одной и той же, уже знакомой Димке последовательности. И все равно Димка, не отрываясь, напряженно следил за всем, что происходило на стрельбище. У него устали глаза — оттого, что все время приходилось щуриться, и руки тоже устали — от тяжелого бинокля. В общем-то, бинокль сейчас был совсем ни к чему, без бинокля смотреть было гораздо удобнее, но Димка даже самому себе ни за что не хотел признаваться в этом.

Через бинокль он видел маленькие фонтанчики пыли, возникающие возле мишеней и мгновенный огненный след трассирующих пуль. Иногда трассирующая пуля попадала в камень и рикошетом отскакивала вверх — это было особенно красиво — словно кто-то чиркал огромной спичкой.

Вот чья-то очередь ушла далеко за мишени, Димка чуть поднял бинокль, чтобы проследить за ней, и замер от неожиданности. На склоне пологого плоского холма, замыкавшего стрельбище, он увидел две маленькие фигурки. Он еще не успел ничего сообразить, не успел даже испугаться — тут же увидел солдата, бегущего к этим двум фигуркам.

— Прекратите огонь! — крикнул кто-то рядом с Димкой. — Сигнал! Дайте сигнал! На стрельбище люди!

Но прежде чем команда достигла огневого рубежа, прошло еще несколько секунд, автоматы продолжали стрелять, и Димка видел, как солдат успел добежать до двух маленьких фигурок, толкнул их на землю и сам упал рядом с ними.

Димка оторвал глаза от бинокля.

Он увидел отца, который бежал к вышке, увидел молоденького лейтенанта, командира взвода, который бежал от вышки, услышал, как последний раз коротко стукнула и оборвалась автоматная очередь...

Солдаты на огневом рубеже оглядывались — они еще не понимали, почему пришлось прекратить огонь.

А те солдаты, которые еще минуту назад спокойно сидели в тени вышки, ожидая своей очереди стрелять, теперь вскочили и взволнованно переговаривались между собой. И все смотрели в ту сторону, где кончалось стрельбище, где в траве, не поднимая головы, лежал солдат...

10.

В бинокль Димка увидел, как солдат осторожно поднял голову, потом встал на колени и выпрямился. У Димки отлегло от сердца.

Как страшно, наверное, было бежать и слышать вокруг цоканье пулы! А потом упасть и слышать, как продолжают бить автоматы! Какими долгими, наверное, казались эти секунды!

Но Лебедев не мог поступить иначе — это Димка всегда знал — не мог Лебедев поступить иначе.

Неожиданно радостное возбуждение охватило Димку. Ему хотелось говорить о Лебедеве, не терпелось рассказать, что это он, Димка, первым увидел в бинокль бегущего солдата и первым догадался, что это Лебедев. Рассказать о том, как испугался он сначала, когда Лебедев лежал, не двигаясь, и как обрадовался потом, когда понял, что с Лебедевым ничего не случилось...

Но всем было не до Димки. Он сунулся было к солдатам, но солдаты обсуждали происшествие между собой и не обратили на Димку никакого внимания. К отцу он не решался даже подойти — отец что-то сердито выговаривал молоденькому лейтенанту.

«Почему они все такие сердитые?» — подумал Димка. Ему хотелось, чтобы все радовались вместе с ним. И чтобы он радовался вместе со всеми.

Тем временем дежурная машина уже пылила по дороге вокруг стрельбища — за Лебедевым.

«Наверно, Лебедеву теперь дадут отпуск, — подумал Димка. — За героические поступки солдатам всегда дают отпуск». И ему даже стало грустно оттого, что Лебедев уедет.

«А еще, наверно, напишут о нем в газетах. И поместят его фотографию. Обычно в таких случаях пишут: «Отважный воин не назвал своего имени». Это звучит красиво. Но здесь

так не получится. Потому что все знают, что Лебедев — это Лебедев».

Димка уже представлял, как пожмет отец руку Лебедеву, и Лебедев ответит: «Служу Советскому Союзу!» И отец посмотрит в глаза Лебедеву и подумает: «Иногда я был неправ и несправедлив, я теперь понимаю, но с кем этого не бывает». Вслух он, конечно, ничего не скажет, но Лебедев догадается и так. И подумает в ответ: «Не надо вспоминать об этом, товарищ капитан. Я ведь тоже не всегда был прав. Но теперь это дело прошлое».

И Димка тоже промолчит. Он никому не скажет, что давно уже знал, что все должно было кончиться именно так. Пожалуй, ему все равно не поверят...

11.

Сначала из машины выбрались шестилетний белобрысый Павел, сын начальника штаба, и первоклассница Нинка. Они вовсе не казались испуганными, даже наоборот — они явно были довольны тем, что прокатились на машине и теперь очутились среди солдат. Даже всеобщее внимание их нисколько не смущало.

Вслед за ними появился Лебедев. Он улыбался — виновато и неуверенно. Он даже не подмигнул Димке, как обычно, лишь скользнул взглядом по его лицу и медленно, словно нехотя, пошел к центральной вышке, где уже строилась рота. И только тогда скверное предчувствие шевельнулось в Димкином сердце.

Потом Димка видел, как стоял Лебедев перед строем. Наверное, это очень неприятно — стоять вот так, когда сто человек смотрят на тебя, а ты один.

Димкин отец сказал:

— Ну, расскажите, Лебедев, роте, как это получилось.

Лебедев пожал плечами.

— Рассказывайте, рассказывайте, не стесняйтесь...

Лебедев молчал.

— Ну что же вы? Вы ведь всегда любите поговорить.

Лебедев по-прежнему переминался с ноги на ногу и молча смотрел вниз.

— Ну, хорошо. Тогда я могу рассказать за вас. Солнце, травка — все располагает к отдыху. Почему бы не позагорать? Вокруг никого, никто не увидит... Не так ли?

Лебедев неопределенно шевельнул плечами.

— Ну, а потом?

— А потом, — неожиданно сказал Лебедев, — я увидел их. Они были уже далеко... Я им крикнул... Они испугались и побежали... Я побежал за ними...

— Погодите, Лебедев. У вас была рация. Почему вы сразу не сообщили, что на стрельбище люди?

— Я сообщал... Но меня, наверное, не слышали...

— То есть как не слышали? Почему?

Лебедев замаялся.

— Аккумуляторы у меня сели... — негромко проговорил он.

— Аккумуляторы сели... — тихо и отдельно повторил Димкин отец. — А раньше вы не догадались, что их надо зарядить? Вы не знали, что радиостанция не готова к работе? Или вы решили — сойдет и так, ничего не случится... Лебедев молчал.

— А теперь вы бросаетесь под пули и думаете, мы будем восторгаться вашей храбро-

— За вашу халатность, Лебедев, вы будете наказаны, — сказал отец. Он сделал паузу и резко скомандовал: — Рота, смирно!

Солдаты шевельнулись и замерли. И Димка тоже вытянул руки по швам и замер.

Отец вскинул руку к козырьку.

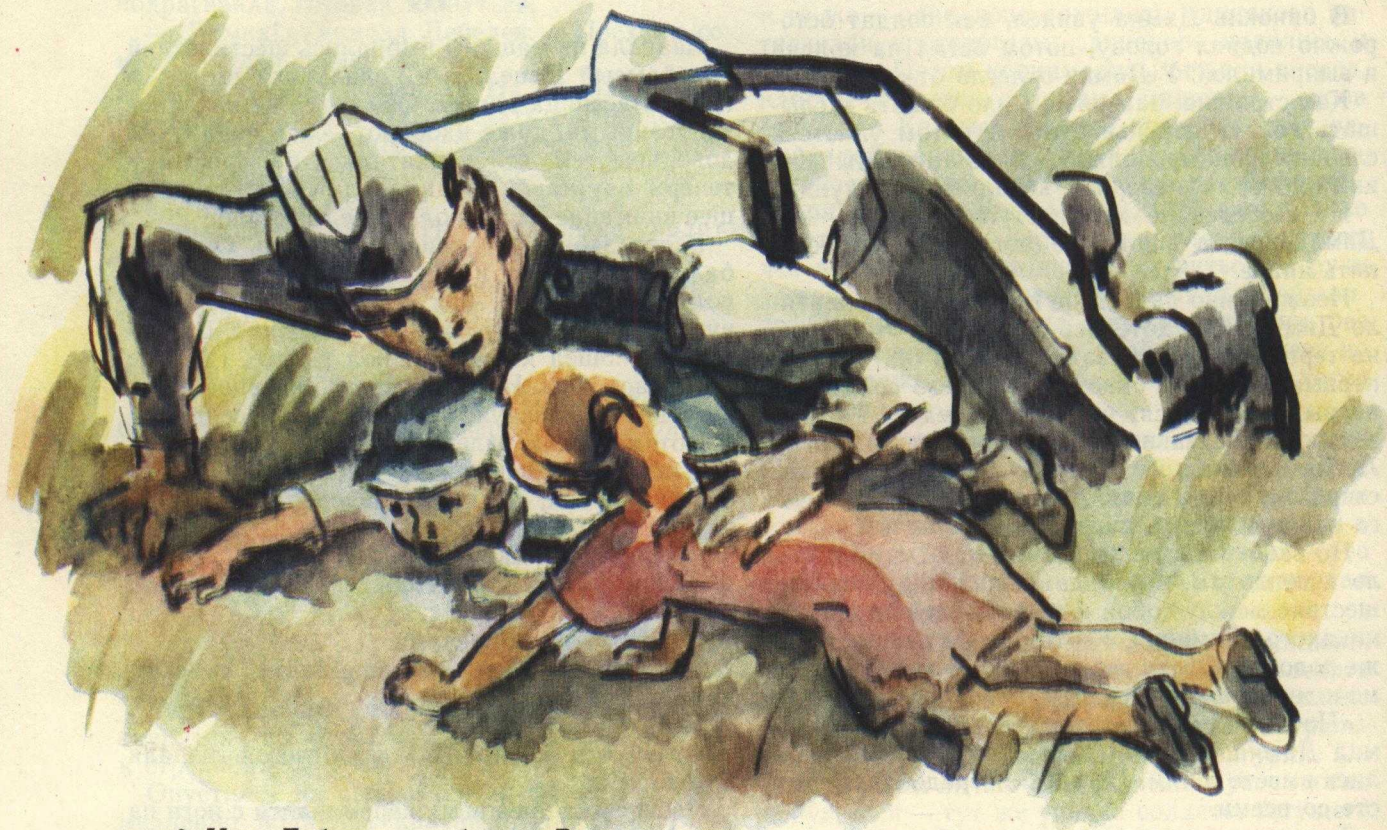
— За халатное отношение к служебным обязанностям, — четко выговорил он, — которое едва не привело к жертвам, объявляю рядовому Лебедеву трое суток ареста.

— Есть трое суток ареста... — как эхо откликнулся Лебедев.

— Вольно, — скомандовал отец и шагнул к Лебедеву.

— Что у вас в руке? Покажите.

Лебедев разжал левую руку — на ладони у него лежала маленькая сплюснутая пуля.

стью? Нет, Лебедев, не будем. Восторгаться мы будем теми, кто добросовестно делает свое дело. Изо дня в день. Добросовестно и умело. Это, знаете ли, самое важное. И самое трудное. Можете вы это понять, наконец, или не можете?

— Могу, — сказал Лебедев печально.

И Димке стало так жалко его, словно это он сам, растерянный и поникший, стоял перед строем. Он даже закрыл на секунду глаза. Он всегда закрывал глаза, когда чувствовал, что вот-вот заплачет.

— Это вы там... нашли? — помедлив, спросил отец.

— Да, — тихо сказал Лебедев.

Потом Лебедев вернулся в строй, и отец уже другим, будничным голосом начал говорить о стрельбах — кто и в каком порядке будет теперь стрелять.

А Димка отошел в сторону и сел на камень. Первый раз Димке хотелось побыть одному. Ему надо было о многом подумать...

ВЛАДИСЛАВ ШОШИН

Дорога была малолюдной и тихой. Отчетливо разносились в звонком воздухе теньканье синиц, крики далеких петухов. Даже трепетание стрекозиных крыл на солнцепеке было не только видно, но и слышно — особенно впечатляюще для непривычного к голосам природы слуха горожанина. А разве только голосами заявляет о себе природа!

Дорога шла в широкие луга и поля от крутого левобережья Северной Двины. На правом берегу виднелась вдали знаменитая деревянная церковь, и словно из-за нее река разливалась в этом месте безбрежно: смотрите, мол, проезжающие-проплывающие, как далеко ни уйдете, все рукотворная красота стоит перед глазами! А нерукотворная красота! — Двина всплескивала синими волнами, словно протягивала руки, маня, не отпуская. . .

Дорога вела в холмогорскую деревеньку Денисовку, известную как родина Михаила Васильевича Ломоносова. Место паломничества путешественников по Северу. И предчувствие от встречи настраивало на особый лад — не оттого ли все вокруг казалось прекрасным и значительным?

Не так ли и молодой Михайло Ломоносов, вступая в мир, любовался родным краем, смотрел, как «капли солнца брызжут с весел, окуньки идут по дну». Природа Севера пробудила в холмогорском пареньке поэтическую струну, и сердце его никогда не остывало.

Дорога от Двины на Денисовку идет непрямо и неторопливо. Есть время послушать, посмотреть. Вот солнце выглянуло из-за тучи, окончательно утвердив солнечность наступающего дня, — словно сказочный бычок, сопутствующий доброму молодцу. Вот лягушонок проскакал вдоль дороги — лягушонок ли, не царевна ли лягушка? Вот лиловый иван-чай кивнул, как старый знакомый. . .

Мир преображается, увиденный влюбленными глазами. Из повседневных, казалось бы, примет складывается светлый облик матери-Родины.

Лягушонок скачет вдоль дороги,
Стрекозу смешную увидав,
Выглянул бычок золоторогий,
Дождевую тучу прободав.

Голубой осоки разговоры,
Желтые кувшинки в камыше. . .
Травяные горы Холмо-горы,
Я ведь тоже северный в душе.

Золотые оползни откосов,
Клевера малиновый расцвет. . .
Вправду гениален Ломоносов,
Если здесь явился он на свет!

Ветер медоносный и лучистый
Бьет высокотравную волну,
Не галдите, праздные туристы,
Я хочу послушать тишину.

Я бы, не стеснясь выражений,
Запретил работать вашим ртам,
Если нынче нет богослужений —
Поклоняйтесь травам и цветам!

О красе России беспокоясь,
Радость рассыпая по лугам,
Вот они вам кланяются в пояс,
Чтобы прекратили вы свой гам.

Красные, лиловые, льняные,
Песнопений полные грудных. . .
Как же называть мне вас, родные,
Стыдно мне не знать своих родных. . .

Владислав Шошин

ЛЕВ УШЕЛ ИЗ ДОМА

СКАЗКА

Юрий Яковлев

Рисунки Н. Муратова

Глава седьмая

Вот уже целый час Лев бродил по пустынному городу в поисках своего друга Леша. Он приветливо смотрел по сторонам и дружелюбно помахивал хвостом с кисточкой.

Он чувствовал себя хорошо в своем родном городе и вполголоса напевал львиную песню, которая в переводе на язык людей звучала так:

Здесь все знакомо, здесь все привычно,
Каждое утро все как обычно,
Хочется крикнуть: не торопитесь,
Остановитесь, остановитесь!
Светит на варежке звездочка снега.
Вот на дороге след человека.
След человека рядом со мною.
Здесь я родился, здесь все родное.

Но люди, глядевшие на Льва из окон, не понимали по-львиному, им казалось, что Лев что-то мурлычет себе под нос.

«Где же улица Петровка, на которой живет Леша?» — думал Лев, внимательно рассматривая улицы.

На перекрестке двух больших улиц — Лев не знал, как они называются — стояла круглая красочная афишная тумба. На тумбе были изображены дрессированные львы.

«Странно, — подумал Лев, — оказывается, здесь живут мои родственники. И ни разу не зашли ко мне. Родственнички!..»

Из ворот выбежала маленькая собачка, одно ухо белое, другое — черное, хвост — запятой. Она отчаянно задала на Льва. Люди в окнах замахали руками, стали звать собачку.

— Сейчас он ее проглотит — и нет собачки!

Но Лев и не думал глотать собачку. Он понял, что она играет с ним, и с удовольствием принял участие в игре. Он кружился волчком, кувыркался, прыгал, а собачка норовила вцепиться ему в ухо и в кончик хвоста. Так они

долго играли, бегали. Потом Лев лизнул собачку в нос и зашагал дальше.

Собачка долго потом рассказывала друзьям, как она играла со Львом. Ей никто не верил, хотя это была сущая правда.

После встречи с собачкой Лев вспомнил свое детство. Он так растрогался, что тут же стал сочинять стихотворение: он был в душе поэтом.

Родился Лев.

Вернее — рыжий львенок.

И, осмелев,

он вылез из пеленок.

Родился Лев

не в Танганьике жаркой.

Родился Лев

в Московском зоопарке.

Звучал напев

мальчишек с Красной Пресни.

Тянулся Лев

под звуки русской песни.

Метет метель.

Стараются морозы.

И в колыбель

летят листки березы.

Не знали львы,

как он здесь рос, играя.

Родней Москвы

у львенка нету края.

И, повзрослев,

уже без мамы-львицы

Стал сильным Лев,

прописанный в столице.

Шумит листва,

пылает гроздь рябины.

Москва, Москва,

любимый город львиный.

Лев шагал по мостовой и нараспев читал только что сочиненные стихи, а люди в окнах думали, что он сердится и рычит.

Окончание. См. «Костер» № 1, 1970 г.

Так Лев дошел до большого здания, на котором было написано: «Зоологический музей». Он встал на задние лапы и передними открыл тяжелую дверь.

Лев еще не знал, что в зоологическом музее те же звери, что и в зоологическом саду, только они не прыгают и не бьют себя хвостами по ребрам, не купаются в воде, не грызут сахарные кости, не сердятся и не радуются. Они стоят неподвижно на одном месте и стеклянными глазами смотрят в одну точку. И от всех пахнет одинаково — нафталином.

Лев вошел в зоологический музей и с удивлением осмотрелся.

— Здравствуйте! — сказал он.

Никто не ответил на его приветствие. Все звери молчали. Жираф, который обычно так чутко спит, не услышал Льва и продолжал стоять неподвижно. Даже не кивнул головой. Лев подошел к Кенгуру:

— Здравствуй!

Кенгуру молчала. И маленький кенгуренок у нее в мешке тоже молчал.

Тогда Лев подошел к своему брату — Льву.

— Брат мой, Лев! Ты-то хоть отзовись!

Не отзывался музейный брат.

В отчаянии Лев ударил себя хвостом по ребрам, и в его глазах загорелся темный огонь.

— Что же вы все молчите? Может быть, вы обиделись на меня?

И тогда произошло вот что: огромный скелет кита, который висел в зале, стал медленно раскачиваться из стороны в сторону, и все звери хриплыми голосами запыли:

Мы — не кусающие львы,
Мы — не бодающие яки.
Не слышим шелеста травы,
Не видим звездочки во мраке.
Мы были славными зверьми,
Ходили смело на охоту,
Теперь сидим мы за дверьми,
Погружены всегда в дремоту.
Холодные стекляшки глаз
Не могут жаром загореться.
В груди у каждого из нас
Теперь опилки вместо сердца.

Лев внимательно слушал эту грустную песню, и на глаза у него наворачивались слезы. Каждая слезинка с глубиной яйцо. А когда песня замерла, Лев сказал:

— Друзья мои, что я могу для вас сделать? Чем могу вам помочь? Если бы я мог отдать свое сердце каждому из вас! Мне было бы не жаль сердца. Я собираюсь в Африку. Я передам ваш привет.

Звери молчали.

В это время послышались хлопки, похожие на выстрелы, и чей-то сиплый голос закричал: «Я тебя! Я тебя!» Лев быстро осмотрелся и лег рядом с чучелом льва.

В большой зал музея вбежал Свирепый Охотник.

Он гонялся за молью.

Размахивая соломенными крылышками, моль сделала круг и села на мясистый нос Свирепого Охотника. Он ударил себя по носу и... обрадовался: от моли осталось пятнышко, а нос хотя и гудел от удара, но был на месте.

Охотник пошевелил усами, опустился на спину Льва. Да, да, он сел не на чучело, а на живого Льва. Льву пришлось терпеть, чтобы не выдать себя.

— Приличная моль ест портьеры, варежки, фетровые шляпы, — приговаривал охотник, — а эта, музейная, пожирает львов, тигров, мамонтов. Ее никакой нафталин не берет. По-моему, она просто любит нафталин, ест его на сладкое.

Я сыплю нафталин, как соль,
Но все равно летает моль.
Хотя и без зубов она,
Отгрызла хобот у слона.

Я спрашиваю с болью:
Что делать с этой молью?

У тигра грозные клыки
И когти острые крепки.
Но, несмотря на малый рост,
Отъела моль у тигра хвост.

Я спрашиваю с болью:
Что делать с этой молью?

Но в это время раздался звонок. И в зал вошли посетители музея.

— Проходите, проходите. Вот перед вами медведь. Типичный представитель наших родных лесов. Он попал к нам из ресторана. — Тут Свирепый Охотник откашлялся и сказал уже совсем другое. — Он попал к нам из русских лесов, где был убит знаменитым охотником... мной.

Свирепый Охотник поклонился публике.

— Это — жираф. Типичный представитель африканских саванн. Обратите внимание на маленькие рожки, которые растут у него на голове. Имея рога, жираф не боится, он бьет копытом... Этот жираф попал к нам в музей еще при Петре Великом.

Затем Свирепый Охотник подошел ко Льву. Вернее, ко львам, потому что рядом с чучелом лежал живой, настоящий Лев.

— Лев — царь зверей, — сказал Свирепый Охотник и вдруг попятился. — Простите, здесь два царя зверей. Вчера был только один. Обратите внимание на сильные лапы, на гриву, на могучую грудь.

И Свирепый Охотник совершил непростительную ошибку. Он стал тыкать указкой не в чучело, а в живого Льва. Лев терпел, терпел, но когда Свирепый Охотник стал щекотать указкой его нос, Лев не выдержал и оглушительно чихнул.

У посетителей музея вытянулись лица. Но Свирепый Охотник все еще не мог понять, в чем дело. Он сказал:

— Будьте здоровы!... То есть, как это... почему это... Чучела обычно не чихают. Очень редкий случай.

Лев чихнул снова. Посетители задрожали.

— Будьте здоровы! — повторил Свирепый Охотник. — Вам, товарищи посетители, повезло. Чучело чихает.

И тут заговорил Лев. Он сказал:

— Я, кажется, немного простудился. Вы не видели Лешу Кашина?

Тогда Свирепый Охотник наконец понял, что перед ним не чучело, а живой Лев, и он закричал:

— Спасайтесь, кто может! Вперед! То есть, назад!

Все кинулись бежать. Свирепый Охотник схватил ружье, зажмурился и выстрелил. Но он попал не в живого Льва, а в чучело. Целое облако опилок и пыли поднялось в зале.

Посетители бежали к выходу, а Свирепый Охотник забрался на скелет кита и стал на нем раскачиваться, как на качелях.

Лев вздохнул и медленно побрел к выходу.

Глава восьмая

Лешин папа гладил брюки. Утюг длавал по брюкам, как маленький буксир по реке — серой в полосочку.

В это время в прихожей хлопнула дверь. Папа поднял утюг и прислушался. Но ничего не услышал.

— Кто пришел?— крикнул он, снова принимаясь за дело.

В комнату беззвучно вошла Лешина бабушка.

— Кто пришел?— спросил папа и двумя руками надавил на утюг. Бабушка молчала. Она смотрела отсутствующим взглядом, и уголки рта у нее дрожали.

— Пришел... Лев,— чужим голосом ответила бабушка.

— Лев? Очень приятно!— воскликнул папа и ловко перевернул брюки на другую сторону.— Пусть заходит.

— Но Лев... настоящий,— тихо сказала бабушка.

— А я другого и не жду,— весело сказал папа и обрушил на брюки новую порцию брызг.— Пусть заходит этот шутник.

— А как съест тебя... шутник?— прошептала бабушка.

Папа поднял утюг, как поднимают гирию, и так же весело сказал:

— Обязательно съест! Только не меня, а бутерброд с колбасой.

Он рассмеялся, а бабушка чуть не плача запричитала:

— Паша, у тебя семья. И ты еще молодой.

— Что ты, мама, Льва не видала? Ха-ха! На днях к нам медведь заходил. Помнишь?

— Помню медведя.

— И никого он не съел.

— Не съел... Так медведь был не настоящий.

Папа поманил бабушку и в самое ухо сказал ей:

— Так и Лев не настоящий. Присмотрись внимательно. Это же Лешин товарищ Лева. Известный шутник. Зови его.

Но бабушка качала головой и стояла на месте.

— Не пойду. Тебя жалко.

— Эх, мама, мама! Шутки не понимаешь!

Папа поставил утюг на подставку. И решительно направился в прихожую, где его ждал Лев.

Оставшись одна, бабушка заметалась по комнате.

— Что делать? Куда звонить? В пожарную команду? В милицию?

Она так и не решила, куда звонить, и, услышав шаги Льва, спряталась в шкаф. И плотно прикрыла за собой дверку.

А папа и Лев уже входили в комнату.

— Заходи, заходи, Лев! Что-то я тебя давно не видел.

Папа разговаривал со Львом, как со старым знакомым. А Лев видел Лешиного папу в первый раз, был смущен и бормотал:

— Видите ли... я... Леша скоро придет?

— Скоро, скоро. Садись. Располагайся. Я тут, видишь, глажку затеял. Настоящие мужчины сами должны гладить брюки... Где ты раздобыл львиную шкуру?

— Она у меня с рожденья,— ответил Лев.

Папа рассмеялся и спросил:

— А медвежья шкура тоже была от рожденья? Так кем ты родился? Медведем или Львом?

— Насколько я помню — Львом,— ответил Лев.

— Ладно! Львом так Львом! Ну-ка, давай с тобой померимся силой!

Они сели за стол друг против друга, папа поставил на локоть руку, Лев — лапу. Папа взял Льва за лапу и попытался пригнуть ее к столу. И вдруг вскрикнул:

— Ой! Ты что, никогда не стрижешь ногти?

— Простите, когти.

— Вот именно, когти. Всю руку мне расцарапал! Вашего брата заставить подстричь ногти — целая история.

— А разве их стригут?

— Раз в неделю! Стригут, а не отрачивают... Чаю хочешь?

Лев опустил голову и сказал:

— Спасибо, но я никогда не пил чай.

— Ну да,— воскликнул папа,— сейчас ты скажешь, что настоящие африканские львы никогда не пьют чай... из блюдечка...

— Не пьют. Мне ни разу не наливали чай даже в миску.

— А я тебе налью. Посиди минутку, я поставлю чайник.

С этими словами папа бодро направился на кухню.

Едва он вышел в коридор, как дверка шкафа приоткрылась и оттуда выглянула бабушка.

— Я вас очень прошу,— тихим голосом произнесла бабушкина голова,— не ешьте его, съешьте лучше меня.

— О чем вы?— непонимающе произнес Лев.

— Все о том же... Правда, я старая, костлявая...

— Что вы! Что вы! Вы и на бабушку не похожи.

Дверь шкафа закрылась. В комнату вошел папа.

— Кстати, дорогой Лев,— сказал папа.— Не отгадаешь ли ты одну загадку?

— Я никогда не пробовал, но я...

— У нас в холодильнике периодически пропадает сырое мясо.

Лев опустил голову.

— Как ты думаешь, кто лакомится сырым мясом?

Лев из-за плеча посмотрел на папу и тихо произнес:

— Я.

Утюг зашипел, и от брюк пошел пар. Папа нахмурил брови:

— Но, но, но... Без шуток!

— Я не шучу. Иногда Леша приносит мне сырое мясо.

— Сырое?— папа замахал в воздухе утюгом.

— Одну мякоть,— сказал Лев.

— И вы вместе жарите его на костре? Да? Как охотники и следопыты? Да?

Лев удивленно посмотрел на папу и покачал головой:
 — Нет! Я ем его... без костра.
 — Без костра? Сырое мясо? Тебя что, дома плохо кормят?

— Меня кормят хорошо, но угощение, принесенное другом, всегда приятнее... И потом, надоедает грызть кости.

Папа отчаянно принялся гладить брюки. Из шкафа вышла бабушка. Утюг застыл на месте.

— Я собираюсь к нему в Африку... Он будет присматривать.

— Ты едешь в Африку?— изумился папа.

— Ненадолго.

— С мамой?

— Один... Может быть, с Лешей. Если он согласится.

— Он согласится!— воскликнул папа.

— Это очень хорошо! Я так рад!

Лев и в самом деле повеселел. И тут радио сообщило:
 — Вот уже три часа, как Лев, убежавший из зоологического сада, ходит по улицам города. Будьте осторожны! Пока ни один человек не съеден... Но опасность не миновала.

С папой произошло нечто необъяснимое: он залез на шкаф.

Лев очень удивился. Он спросил:

— Что с вами?

— Ни-ни-ничего... Просто захотелось... в горы!

— Понимаю,— сказал Лев, и тут он заметил, что от брюк к потолку поднимается тонкая спиралька дыма.

Папа закричал со шкафа:

— Мы горим! Мама! Мы горим!

— Не волнуйтесь,— сказал Лев,— я сейчас вызову пожарных. Где у вас телефон? Назовите номер.

Папа так разволновался, что вместо того чтобы назвать номер, пропел его:

Снимите трубку, гражданин,
 И наберите «ноль один».

Лев снял трубку и быстро набрал номер.

— Алло! Пожарная часть? Приезжайте на Петровку. Мы горим. Что горит? Папины брюки. Кто говорит? Лев... Да, да, Лев. Выезжаете? Спасибо. Только побыстрее, одна брючина уже догорает...

В трубке послышались короткие гудки.

— Только одна брючина,— подтвердил Лев.— Я схожу на кухню, расскажу бабушке о пожаре. Ей, наверно, будет интересно.

Лев вышел из комнаты.

В это время в окне сверкнула каска пожарного. И один за другим с подоконника стали прыгать пожарники. Они волокли за собой раздувшийся от воды брандспойт.

Увидев горящие брюки, один из пожарных подошел к столу, взял графин и выплеснул воду на брюки. Пожар был потушен. Пожарные облегченно вздохнули, вытерли с лица пот и запели:

Не мало бед,
 Тревог и слез
 Напрасных.
 Но хоть бы раз
 Позвали нас
 На праздник!
 Мы каски сняли бы в углу
 И с песней сели бы к столу
 Хоть разик!
 Но нас зовут,
 Когда случается беда:
 Пожалуйста, пожарные,
 Пожалуйте сюда!

И тут в комнату вбежал Леша.

— Здравствуйте! Что случилось? У нас пожар? Папа, почему ты на шкафу?

— У нас не пожар,— тихо ответил папа.— У нас Лев.

— Лев! Очень хорошо! Я его приглашал. Он на кухне?

— Леша, берегись!— крикнул папа слабым голосом.— Это не Лева Петров. Это настоящий Лев!

— Конечно, настоящий,— согласился Леша.— Настоящий друг.

— У него клыки, когти!— простонал папа.

— Знаю. По зоологии проходили. Что из этого?

Пожарные переглянулись и посмотрели на Лешу, как на героя.

— Мама, что ты делаешь в шкафу?

— Искала кофту.

— Кофту?

— А что здесь особенного? Где же мне искать кофту, как не в шкафу?

— Но мне показалось, что ты сидела в шкафу.

— Это тебе показалось,— холодно сказала бабушка и вышла из комнаты.

— Вам действительно показалось,— вставил словечко Лев.

— Ладно, ладно,— папа откашлялся,— на днях было родительское собрание. Должен признаться, что там тебя не хвалили. Опять схватил двойку.

— Я не хватал... Это досадное недоразумение.

— Досадное недоразумение? И твоего отца на собрании не было?

— Он в Африке,— сказал Лев.

— Опять в командировке? Ему бы за сыном присматривать, а не по Африкам разъезжать.

Дверь отворилась, и в комнату вошли бабушка со Львом. Бабушка улыбалась, а Лев шел, застенчиво опустив голову.

— Сколько гостей! — воскликнула бабушка. — Мы уже не горим? Спасибо!

И бабушка на радостях запела:

Пожалуйста, пожарные,
Пожалуйста, пожарные,
Пожалуйста к столу!

И в ответ пожарные тоже запели:

Мы каски сняли бы в углу,
И дружно сели бы к столу,
Но мы боимся Льва!

Бабушка улыбнулась еще шире и замахала руками: — Что вы! Это очень хороший Лев! Лева Петров безобразник, двоечник, непочтительный, а этот — такой воспитанный: «Вы совсем не похожи на бабушку!» Он умеет говорить комплименты!

А Лев и Леша уже бежали вниз по лестнице.

— Я помогу тебе попасть в Африку, — говорил Леша, прыгая через две ступеньки. — Аэрофлот тебе поможет. Идем, идем, мы достанем билет на самолет «Москва — Африка».

— Только бери билет «туда и обратно», — сказал Лев, прыгая через три ступеньки.

— Туда и обратно! — крикнул Леша, и друзья побежали на улицу.

Глава девятая

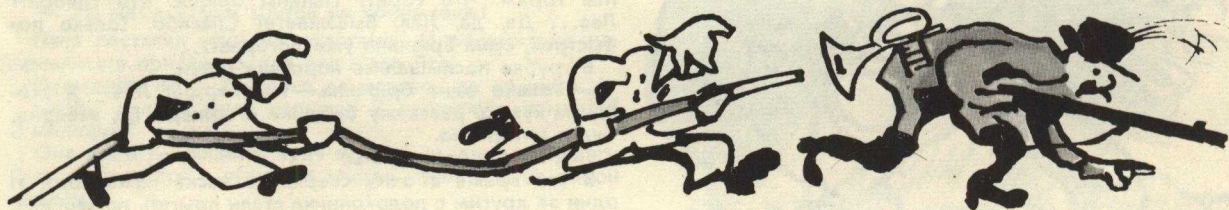
По пустому городу, по безлюдным улицам Лев и его товарищ Леша бежали на аэродром. Тысячи людей смотрели на них из закрытых окон и никак не могли взять в толк, что происходит. Почему свирепый Лев не ест мальчика? Почему мальчик не боится Льва? Или мальчик очень смелый, или Лев очень добрый?

А где-то, за несколько кварталов, всматриваясь в эти

— Кто стрелял? В кого стрелял? По какому случаю?

— Это я стрелял, — донеслось из-под земли. — Просил веревку, пустили змею. Я убил ее метким выстрелом. Тащите ее за хвост, а я ухвачу за голову.

— Раз-два — взяли! — сами себе командовали пожарные и дружно принялись тащить брандспойт, который Свирепый Охотник принял за змею.

следы, шел Свирепый Охотник, и у него из-под мышки, как огромный градусник, торчало ружье.

Иногда он останавливался и принохивался.

— Львами пахнет! — говорил Свирепый Охотник, раздувая ноздри. — Львами и резиновыми подметками.

За ним, чуть поодаль, шли пожарные. Они шли гуськом, один за другим, и несли на плечах брандспойт, похожий на большую змею, на удава или на питона.

И вдруг Свирепого Охотника не стало. Только шел впереди — и вот исчез.

— Где он? — спросили пожарные друг друга.

— На крыше, наверно... Надо вызвать лестницу.

Из-под земли донесся приглушенный голос:

— Не надо лестницу. Бестолковые! Я... я... провалился!

— Он провалился сквозь землю! — решили пожарные.

— Я провалился в яму! Ой, болят мои косточки! Тащите меня скорее отсюда!

Теперь все стало ясно. Свирепый Охотник провалился в люк. Крышка была открыта. Он не заметил. Шагнул. И провалился.

— Сейчас мы вас вытащим! — крикнули пожарные.

— У вас есть веревка? — спросил из ямы Свирепый Охотник.

Веревки у пожарных не было, зато был брандспойт. Его-то они и стали спускать в яму. И в это мгновение раздался отчаянный крик: «Змея!» — и хлопнул выстрел. Из люка запахло порохом.

Пожарные подскочили от неожиданности и стали друг друга спрашивать:

Старый Смотритель вернулся в зоологический сад. Он сидел в пустой клетке Льва, и его голова — белый одуванчик — задумчиво склонилась к плечу. Вокруг собрались все звери. Они молча смотрели на Смотрителя, и глаза их были полны печали.

— Нет, дорогие друзья, скитаться по свету — не самое лучшее в жизни, — говорил Смотритель.

— Может быть, он вернется, — тихо сказал Жираф.

— Погостит и вернется. Дело житейское, — поддержала его Кенгуру.

Но Смотритель покачал головой.

— Он попадет в Африку и забудет, что родился у нас, в Москве. Он вырос у меня на руках. Я кормил его молочком из рожка.

— Молочком из рожка, — задумчиво повторила Кенгуру.

— У него слезились глазки, — вспоминал Смотритель, — я промывал их крепким чаем.

— Это очень помогает, — сказала Кенгуру.

— Теперь уже ничем не поможешь! Пройдет время. Пришлют нового льва. Поселят в этой клетке. А я уйду на пенсию.

Тут послышался громкий, густой плач. Все звери заволновались.

— Кто это плачет? Что это значит?

По дорожке, обнявшись, шли две Обезьяны. Они громко плакали, пели и танцевали.

— Мы провалились!

— Мы срезались!

— Ах, вы порезались! — сказала Кенгуру.

- Да нет! Нам не хватило очков.
- Им не хватило очков! — пробасил Бегемот. — Они плохо видели. «Мартышка и очки» — читал в детстве...
- Мы хорошо видим, но придираются на экзаменах, — сказали Обезьяны.
- И некому похлопотать за нас!
- А конкурс — десять обезьян на одно место!

Обезьяны заплакали еще громче, при этом они кувыркались.

— И ничего страшного, — сказал Смотритель. — Годик позанимайтесь и поступите в цирковое училище. У вас большие задатки. Вам поможет Лев...

Он сказал «Лев» и сразу помрачнел.

— Нет, Лев вам не поможет. Нет Льва. Он уехал в Африку.

Глава десятая

В зале ожидания находилась труппа дрессированных зверей, которые улетали на гастроли в другой город.

Звери — артисты цирка — были в шляпах, в галстуках, в пушистых цветных шарфах. Их багаж состоял из множества чемоданов с яркими заграничными наклейками. Рядом с артистами развалился в кресле Дрессировщик. Худой и бритый, с усами — двумя черными сосульками под носом. На нем был костюм в крупную клетку и ботинки на толстых подошвах. Дрессировщик дремал. Солнечный зайчик отражался от его гладкой блестящей головы. А звери-артисты не теряли времени даром. Обезьяны перебрасывались разноцветными кольцами. Они были жонглерами. Кенгуру показывала фокусы. А огромный тучный Бегемот, оказывается, был и певцом, и танцором. Он пританцовывал так, что дрожали стены и в буфете жалобно плакали стаканы. При этом он еще пел забавную песенку:

Аэродром —
Гроза и гром,
Мельканье разных лиц.
Аэродром,
Аэродром —
Гнездо огромных птиц.
И если даже бегемот
Захочет полетать,
То и ему Аэрофлот
Не сможет отказать.
Он говорит:
«Пора, пора!» —
И смотрит на часы.
Ему в ответ:
«А вы сперва
Пройдите на весы».
Такой тяжелый бегемот —
Как может он летать?
Но никому Аэрофлот
Не может отказать.

Ему вопрос:
«Вам сколько лет?» —
«Три годика всего!» —
«Тогда не нужен вам билет,
Не нужно ничего!»
Совсем ребенок бегемот,
Как может он летать?
Но никому Аэрофлот
Не может отказать.
Аэрофлот —
Посадка, взлет.
Дорога далека.
Аэрофлот —
И бегемот
Летит за облака.
А вдруг пилотом бегемот
В пути захочет стать?
Тогда ему Аэрофлот
Не сможет отказать.

Бегемот кончил петь, кончил танцевать — все захлопали. Бегемот поклонился. Бегемот улынулся — открыл свою необъятную розовую пасть. Все перестали хлопать и тихо отошли в сторонку. На всякий случай.

А Леша и Лев шли через зал и вели свой разговор:
— Сейчас я побегу в кассу за билетом. Ты подожди меня здесь, — говорил Леша другу.
— Что-то мне грустно, — отвечал друг.
— Сядешь в самолет — и все забудешь.
— Все забуду... Ты так думаешь? Нет, Леша, я ничего не забуду... Я еще не улетел, а мне уже хочется обратно.

Лев тяжело вздохнул и сел рядом с Бегемотом, под которым кресло прогibasлось и скрипело.

Лев закрыл глаза и сразу увидел свой дом, который люди почему-то называют клеткой. Он увидел Смотрителя с редкими седыми волосками на голове, которые делали его похожим на одуванчик. Он увидел Жирафа, пятнистого, высоченного, но тихого и ласкового. Увидел Кенгуру, которая вечно беспокоилась за своего малыша и сочувствовала всем мамам. Увидел Обезьян, которые

хотели стать артистками цирка, и Бегемота, который так не похож на этого плясуна и певца, с галстуком и в шляпе. «Может быть, не ехать ни в какую Африку? Может быть, вернуться?» — подумал Лев.

К артистам цирка подошла девушка в синей пилотке. Она была очень худенькой, очень курносенькой, и светлые золотистые волосы спадали ей на плечи.

Девушка протянула Дрессировщику билеты и сказала: — Вот ваши билеты. Один человеческий и пять звериных.

Потом она быстро пересчитала глазами зверей и сказала:

— Но у вас шесть зверей.
— Пять! — сказал бритый Дрессировщик и поднял над головой руку с пятью растопыренными пальцами.
— Шесть! — стояла на своем девушка. — Пересчитайте! Дрессировщик нехотя повернул голову, пересчитал. И сказал:

— Пять! Этот Лев не мой. Лишний.
— Как это не ваш? Как это лишний? — возмутилась девушка в синей пилотке, и ее носик воинственно поднялся.
— Очень просто! Я с ним даже не знаком, — отрезал Дрессировщик.

Тогда девушка заволновалась. Она обратилась ко всем пассажирам:

— Граждане, чей Лев? Никто из вас не терял Льва? Никто не терял Льва. Все молчали.
— Безобразие, — с огорчением сказала девушка. — Заведут Льва, а потом бросят. Что я с ним буду делать? Не могу же я его взять домой. Я живу с мамой, в одной комнате...

Девушка так расстроилась за Льва, что Дрессировщик провел ладонью по своей гладкой бритой голове и встал:

— Ладно, попробую выяснить... сам!
Он считался крупным специалистом по зверям и решил, что сейчас без труда разберется, что за Лев и откуда он. Дрессировщик достал из кармана большой пистолет с костяной ручкой, взял в другую руку хлыст. И встал перед Львом.

— Ап! Ап! — крикнул он и выставил вперед хлыст. — Алло! Ап!

Лев ничего не понял и спросил Бегемота:
— Что он говорит? Переведите, пожалуйста.
— Он говорит, что рад с вами познакомиться.
— Ап! Ап! — ответил Лев на языке Дрессировщика.
— Что он говорит? — спросил Дрессировщик Бегемота.
— То же, что и вы, — пробасил Бегемот. — Он рад с вами познакомиться.

Тогда Дрессировщик сделал шаг назад, щелкнул хлыстом и замахал им перед носом Льва.

— Скажите ему, пожалуйста, — сказал Лев Бегемоту, — чтобы он не махал у меня перед носом.

— Бесполезно, — вздохнул Бегемот. — Мы его дрессируем, дрессируем — все равно машет.

— Плохо поддается дрессировке? — спросил Лев.

— Как вам сказать. Мы его приучили за поклон давать нам яблоко, за прыжок — кусок сахара. Мы довольны.

— Мы довольны,—включились в разговор Обезьяны.— Попадают более бестолковые. Этот еще кое-что соображает.

И в это время в зал снова вбежала девушка в синей пилотке. Взволнованным голосом она сказала:

— Граждане! Спасите ребенка! Самолет идет на посадку, а маленькая девочка забежала на посадочную полосу. Спасите ребенка! Каждое мгновение на счету!

Вдалеке послышался нарастающий рев мотора. Пассажиры повскакали с мест. Под Бегемотом проломилось кресло. Обезьяны посмотрели друг на друга, их хвосты превратились в два вопросительных знака. Все были растеряны. Никто не знал, что делать.

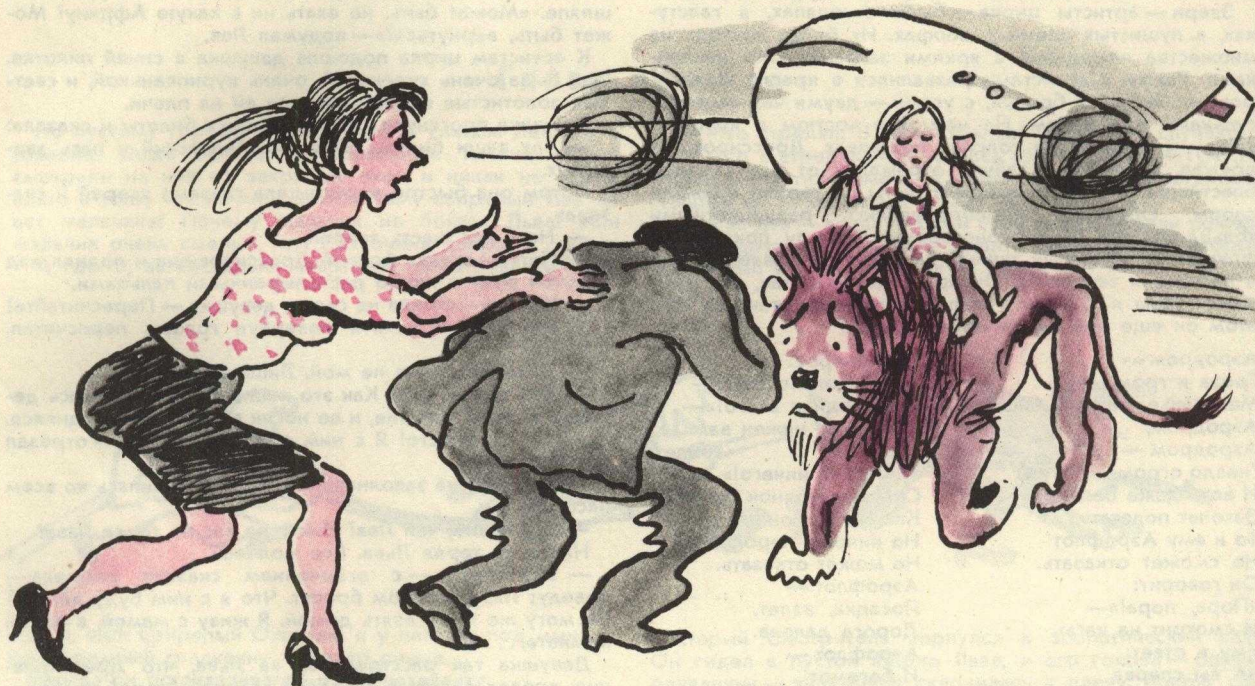
— Такого солидного, с густой гривой.

— С густой гривой? С тяжелыми лапами? С кожаными подушечками на лапах? — сладко пропел преследователь Льва.

— С кожаными подушечками! — воскликнул Леша. — Я достал ему билет. Самолет отлетает в Африку через десять минут.

— Через десять минут не будет никакого Льва! Будет львиное чучело. Ха-ха! — Свирепый Охотник захохотал, и усы затанцевали у него под носом.

По летному полю шел Лев. На нем верхом сидела маленькая девочка. Она положила головку на гриву

И только Лев огромными прыжками бросился к двери. Пассажиры облепили окна. Они видели, как Лев мчался по летному полю. Его грива развевалась от ветра, а хвост вытянулся в струнку. Он летел, как снаряд, выстреленный из орудия. А самолет, огромный четырехмоторный самолет, приближался к земле.

Маленькая девочка как ни в чем не бывало разгуливала по светлой дорожке. Она не понимала, какая опасность грозит ей.

Кто скорее: самолет или Лев?

— Смотрите, Лев уже близко! Лев уже близко! — шептали они.

— А если он разорвет девочку на части? — волновались другие.

— Самолет приближается. Он уже выпустил шасси.

— А Лев выпустил когти!

— Несчастный ребенок, он погибнет в любом случае. В это время в зал вошел Леша. Он размахивал билетом и весело кричал:

— Все в порядке! Достал билет! Москва—Африка!

Леша буквально столкнулся со Свирепым Охотником и спросил его:

— Вы не видели Льва?

— Какого Льва? — вкрадчиво спросил Свирепый Охотник.

своего грозного спасителя, глаза у нее слипались, а на встречу Льву бежало множество людей. Они размахивали руками и что-то шумно обсуждали. Тогда Лев поднял лапу и сказал:

— Чшшшш! Тише, она уснула... Такая хорошая девочка... Такая послушная...

Ко Льву подбежала мама спасенной девочки. Схватила спящую девочку и сказала:

— Спасибо вам, Лев! Вы спасли мою дочку. Вы самый благородный человек, простите, Лев. Прилетайте к нам в Одессу. У нас море. Покупаетесь, позагораете...

— Спасибо, — Лев грустно улыбнулся. — Я сейчас улетаю в Африку. Но когда-нибудь, в другое время...

В эту минуту раздался выстрел. Все оглянулись. На летном поле стоял Свирепый Охотник. Из дула опущенного ружья шел лиловый дымок, а из глаз Свирепого Охотника текли слезы.

— Промазал! Так хорошо целился и промазал! — завыл он.

Все, кто был рядом со Львом, стали кричать на Свирепого Охотника, ругать его, называть живодером.

— Я не живодер, — оправдывался Свирепый Охотник. — У меня охотничий билет. Мне можно.

Тогда к Свирепому Охотнику вразвалочку подошел Бегемот, молча вырвал из его рук ружье и отправил его

в рот. Послышался хруст и треск: Бегемот жевал ружье. Потом он выплюнул щепки и сказал:

— Терпеть не могу железо. Очень трудно жевать. Удивительно невкусная вещь заряженное ружье.

Он пошел прочь. Он боялся, как бы ему не захотелось съесть самого хозяина ружья.

Лев задумчиво посмотрел вдаль, и в его темных глазах появился зеленый огонь. Он запел:

Есть на планете разные страны,
Синие реки и океаны.
Но не найдете в мире второго
Края родного, края родного.
Здесь все родное — песни и лица,
Травы и горы, звери и птицы.
Улицы, скверы, солнце с луною.
Здесь я родился, здесь все родное.

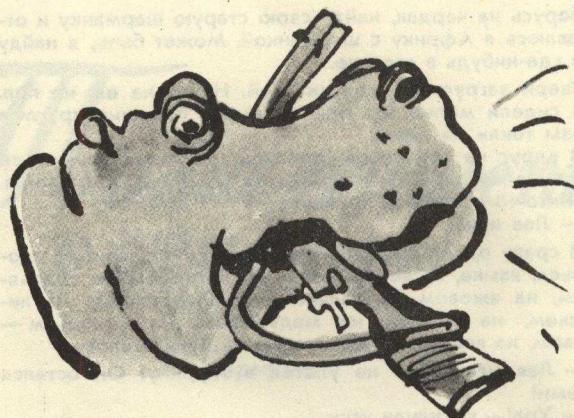
И тут появился Леша. Он подбежал, размахивая билетом «Москва — Африка». Завидев Льва, он радостно крикнул другу:

— Я достал билет в Африку! Самолет улетает через десять минут!

— Билет «туда и обратно»? — спросил Лев.

— Нет! Только «туда». «Туда и обратно» не было...

— А как же «обратно»? — озабоченно спросил Лев. — Здесь я родился, здесь все родное.

Но, вместо ответа, Леша схватил своего друга за лапу и потащил к самолету.

— Скорей! Скорей! Самолет отлетает. Слышишь, уже завели моторы! Посадка заканчивается! До свиданья, Лев!

Грохот моторов заглушил голос Леша.

Глава одиннадцатая

В городе наступил вечер. Солнце опустилось на крышу. А потом медленно стало скатываться с нее вниз, за дома. И на мостовые легли длинные тени.

А в зоологическом саду по-прежнему было пустынно, и старый Смотритель, окруженный своими четверо-

ногими друзьями, сидел с опущенной головой. Он осунулся. Постарел. И даже волос на голове у него стало меньше, словно кто-то сильно дунул и одуванчик разлетелся.

— Если Лев не вернется, — говорил он друзьям, — я

заберусь на чердак, найду свою старую шарманку и отправлюсь в Африку с шарманкой. Может быть, я найду его где-нибудь в саванне.

Звери загрузили еще сильнее. Никто не ел, не пил. Все сидели молча. Из глаз Бегемота большие круглые слезы текли на песок.

И вдруг на пустынной дорожке послышались чьи-то шаги. Целый день никого не было, но сейчас кто-то шел.

И кто-то из зверей крикнул:

— Лев идет!

И сразу один за другим все звери закричали: на слоновьем языке, на верблюжьем, на тигровом, на обезьяньем, на ежовом, на заячьем, на носорожьем, на лебяжьем, на куньем, на медвежьем, на тюленьем — словом, на всех звериных языках зазвучали слова:

— Лев идет! Лев не улетел в Африку! Он остался с нами!

— Ура! — крикнули утки.

— Ура! — рывкнули тигры.

— Ура! — замычали бизоны.

И Лев, не торопясь, подошел к своим друзьям и сказал:

— Когда уезжаешь из дома, надо обязательно брать билет «туда и обратно». А если билет только «туда»...

— Что, если билет только «туда»? — спросили звери.

— Тогда не надо никакого билета, — ответил Лев.

— Не надо никакого билета, — согласились с ним друзья.

— Ездить без билета «зайцем» Льву неудобно, — заметил Лев.

— Неудобно! — закивали все.

— Хотя зайцы, которые не разъезжают без билета, а прыгают по лесам, очень славные ребята!

— Очень славные, — согласились все.

И тут Лев заметил, что Смотритель сидит грустный, молча и исподлобья поглядывает на него.

— Почему вы грустный? — спросил Лев. — У вас неприятности по службе?

— У меня были неприятности по дружбе... Но теперь все в порядке. Теперь одни приятности.

И Смотритель первый раз за весь день улыбнулся. И оттого, что он улыбнулся, всем стало легче на душе, и все звери, каждый по-своему, улыбнулись. А Бегемот даже засмеялся.

— Нет, — сказал Лев, — нет, я не могу покинуть своих друзей, свои родные места. Здесь я родился, здесь все родное. Я привык к огням Москвы, к шуму машин, к запаху бензина. Моя Африка здесь. А мои родные братья — вы. Бегемоты и жирафы Московского зоологического сада. И ты, Леша, и вы, Смотритель! Конечно, львы не водятся в русских лесах, но я-то завелся здесь, на Красной Пресне угол Большой Грузинской. Здесь моя родина.

— Конечно, здесь! — согласился Леша. — Но я почему-то думал... А теперь я думаю иначе.

— Давайте петь! — предложила Первая Обезьяна.

— Давайте танцевать! — предложила Вторая.

И в зоологическом саду началось веселье. Звери пели, каждый на своем языке, и танцевали друг с другом. А Свирепый Охотник ходил за оградой зоологического сада и вздыхал. Ему тоже хотелось порадоваться, повеселиться, но с чучелами не поешь и не потанцуешь.

Было уже очень поздно. В городе зажглись огни. От Москва-реки повеяло прохладой. А в зоологическом саду не утихло веселье. И день, который начался так несчастливо, надолго остался в памяти наших друзей как самый счастливый день.

ЧИТАЯ КНИГУ О ЮНОМ ПАРТИЗАНЕ

Л. Мочалов

Мы бы шли с тобою к реке,
на удилищах солнце неся,
мы бежали бы в лес налегке
по грибы... Но тебе нельзя...
Торопливо и на ходу,
глядя словно бы на облака,
в небе выберешь ты звезду,
а она — высока, далека...
За твоею звездой следя
и живя твоею судьбой,
ждемся мы дождя,
мы идем в разведку с тобой,
и травинку в зубах теребя,
дышим порогами темноты.
Только видим дальше тебя,
знаем то, что не знаешь ты.
И, склоняясь над ухом твоим,
не спеши — тебе говорим.
Ты по этой тропе не иди,
там враги твои впереди.
Там засада, ловушка, обман!...
Только ты не слышишь — идешь,
и тебя растворяет туман,
за тобой смыкается дождь.
Лишь осинка чуткой листвою
да мелькнувшая в небе звезда
говорят о чем-то с тобой,
с молодым — уже навсегда.
Ты не видишь сквозь темноту,
где твоя затаилась беда;
лишь травинка зажата во рту,
навсегда уже, навсегда...
Мы пройдем твоею судьбой.
Мы закроем книгу, скорбя.
Не услышанные тобой,
мы отчетливо слышим тебя.
Голос твой говорит в тишине:
только слово молвите мне,
на мою взгляните звезду —
я в разведку с вами пойду!

Тима пишет в счастье

А. Маркуша

Тимофею Панарину тринадцать лет. Дома и в школе его зовут Тимой. Лучшим занятием на свете он считает хоккей зимой и рыбалку летом. Учится Тима хорошо, но далеко не отлично. Он упрям и ужасно не любит признавать свои ошибки: впрочем, этого никто не любит.

Несколько дней назад учительница русского языка и литературы предложила ребятам написать сочинение на тему: «Как я понимаю счастье». Тима подумал-подумал и начал так:

«Если я правильно понял, это сочинение можно написать, не приводя примеров из книг и вообще художественной литературы. Как я сам представляю себе вопрос, так и буду про него рассказывать. Может быть, кто-нибудь думает, что счастье — это иметь много всего. Допустим, машину «Волга», хорошую квартиру, полным-полно всяких дорогих и даже редких вещей и большой цветной телевизор. Я так не думаю. Почему? Когда у человека чего-то нет, ему хочется это получить, а после того, как он получит и привыкнет это иметь, ему снова захочется чего-то еще. Например, купил себе человек пластиковые французские слаломные лыжи, покатался на них и обязательно скажет: «А теперь хорошо бы еще байдарку заиметь». Купил байдарку и замечает о мотороллере или даже о мотоцикле. И так без конца. А я не думаю, что можно быть счастливым оттого, что у тебя все есть. Потому что все никогда не бывает на самом деле все.

Наверное, есть люди, которые думают, что счастье — в очень интересной работе, самой лучшей работе на свете. Но я не уверен, что так может быть. Во-первых, откуда человек может знать, что его работа самая лучшая? Все вдруг однажды возьмет и перевернется и окажется, что рядом работа в сто раз лучше. Во-вторых, я знаю одного человека — он летчик и летает на дальних линиях Аэрофлота. Разве можно придумать работу лучше? Тут и техника в твоём распоряжении будь здоров какая, и весь мир поглядеть можно, и столько людей спасибо тебе скажут за то, что ты их в один момент доставил из Москвы куда-нибудь в Японию или даже в Канаду... А этот человек все-таки говорит: «Надоело. Жена на меня сердится, и своих детей я почти не вижу». Вот вам, пожалуйста

хорошая работа! Какое ж это счастье, когда улетать не хочется? А если жена все время обижается, это тоже, я думаю, очень неприятно. Конечно, без хорошей работы жить скучно и неинтересно, но только от работы, пусть даже самой хорошей, настоящего счастья не будет.

Говорят, что счастье в хороших друзьях. Я думаю, что это правильно. Человек без друга — можно сказать, вообще даже не человек. Но друзья могут меняться. Вы спросите, как? Хорошо, я отвечу: или разъехались люди в разные города (а по почте разве много надружишь?), или просто раздружились, или кто-то один даже умер. Значит, друзья могут появляться и исчезать. Так? А счастье, я думаю, должно быть самым-самым прочным веществом на свете, или оно уже не счастье, а что-то пусть очень хорошее, только все-таки не счастье...»

Тут Тима задумался и долго смотрел в окно. За окном было синее-синее небо и белые-белые облака и черные вороны вели воздушный бой с белопузыми сороками. И еще Тима видел верхушки деревьев, покрытые молодыми светлыми листочками. Какая-то беспокойная мысль вертелась в Тиминой голове, но ему никак не удавалось схватить эту все время от него ускользавшую мысль.

Тима нагнулся над тетрадным листом и стал писать.

«Может быть, я не совсем прав, только иногда мне кажется, что никакого счастья нет и быть не может. Раз уж человек что-нибудь имеет... — он зачеркнул последние слова и написал по-другому, — раз уж человек чем-нибудь обладает, то это уже не настоящее счастье. Да! А вот когда ты стремишься к чему-то и когда тебе трудно достичь того, чего ты хочешь, тогда можно говорить о счастье. Возьмем пример из жизни: Валерий Павлович Чкалов был замечательным летчиком-испытателем. Он жил хорошо и много хорошего сделал для людей. Но я думаю, что самое большое счастье, которое имел Чкалов, было не в его полетах и не в его славе, и даже не в том, как к нему относился весь советский народ и, может быть, весь мир, а в той мечте, про которую он сам говорил: «Вот бы махнуть во круг шарика!» Чкалов не облетел земной шар без посадки, но всю жизнь он стремился к такому полету. И это было большим счастьем, самым настоящим его счастьем! Конечно, мне могут сказать: «Ну, а если бы он успел облететь земной шар без посадки, тогда что ж, его счастье кончилось бы?» Нет! Не таким челове-

ком был Чкалов. Он бы сразу же придумал, куда лететь дальше. Может быть, даже — в космос. И еще неизвестно, кто бы сделался тогда первым космонавтом в мире, Гагарин или Чкалов!»

Тима снова задумался. Вряд ли он мог объяснить, что именно его беспокоит, но что-то тревожило. А раздумывать было некогда: времени оставалось совсем мало.

«Я считаю, — писал он дальше, — что счастье может узнать каждый человек, если только он не жадный, не трус, не доносчик, не подлиза. Если он никогда и ни в чем не будет доволен собой и не станет считать, что сделал уже все в жизни. По-моему, главное — не стараться удерживать того, что ты достиг, навсегда при себе, а идти вперед.

Самыми счастливыми людьми на свете были, наверное, Амундсен, Чапаев, Чкалов, разведчик Николай Кузнецов, Гагарин и многие-многие другие, которые...»

Прозвенел звонок, а Тима не успел дописать еще одной, какой-то очень важной фразы. Он это чувствовал. Но не стал ничего прибавлять, поставил точку и сдал сочинение.

Прошло три дня. И снова был урок литературы. Учительница Варвара Денисовна вынула из своего необъятного коричневого портфеля сочинения и стала говорить о последней работе ребят:

— Большинство класса с сочинением справилось хорошо. Девять работ я оценила на отлично, двадцать одну — на хорошо...

Тима подумал: «Ни отлично, ни хорошо она мне не поставила».

— К сожалению, не все сочинения написаны ясно. Вот Валентин Фетисов, например, утверждает, что он бывает счастливым только тогда, когда в первенстве страны или на Кубок выигрывает команда ЦСКА, — тут все дружно рассмеялись, — и очень несчастным, если верх одерживают футболисты киевского «Динамо». Я, конечно, слышала о прекрасных успехах Валентина Фетисова в футболе, однако, при всем моем уважении к спорту, не могу считать его сочинение серьезным.

Тима подумал: «И тройка она мне не поставила».

— А вот Панарин... Панарин...

— И Варвара Денисовна замолчала, задумалась.

Здесь мы прерываем писателя Анатолия Маркушу. Как ты думаешь, читатель, что заставило задуматься учительницу?

И вообще — как сам ты представляешь себе, что такое счастье?

Напиши нам! Мы ждем — Тима, и Варвара Денисовна, и редакция, и писатель Маркуша.

середине марта Всемирная выставка 1970 года будет открыта.

Двенадцать лет назад, начиная разговор о Выставке, мы говорили: «Брюссель!» Два года назад — «Монреаль!» А сегодня говорим «Осака». Осака — большой японский город. На целых шесть месяцев он стал городом ЭКСПО.

Все сооружения ЭКСПО-70 размещены в искусственной котловине, вырытой там, где раньше шумела бамбуковая роща. Рощи теперь нет, но зато сама выставка, если смотреть с самолета, похожа на огромное дерево: центральная аллея — «ствол», от нее вдоль бассейнов тянутся боковые аллеи — «ветви». И завершаются они павильонами — «цветами».

Такой хотел видеть ЭКСПО ее главный архитектор, известный японский зодчий Кензо Танге.

Четырьмя способами можно путешествовать по выставке: автомобилем, по широкой пешеходной дороге, на подвесном монорельсе и, на-

конец, на движущемся тротуаре — встал и стой, как в метро на эскалаторе.

Выберем, что нам больше по вкусу. И отправимся от «ствола» по одной из «ветвей». И еще издали увидим взметнувшееся в небо, увенчанное серпом и молотом гигантское Красное Знамя.

Знаешь знаменитую скульптуру «Рабочий и колхозница»? Определенно знаешь, — ее изображением давно уже начинаются кинокартины студии «Мосфильм».

Так вот, «Рабочего и колхозницу» изваяла в 1937 году Вера Игнатьевна Мухина специально для советского павильона на Парижской выставке — на ЭКСПО-37, как сейчас мы бы сказали.

На всех мировых выставках, в которых мы принимали участие, павильоны нашей страны были в числе лучших.

И для ЭКСПО-70 наши архитекторы, художники, инженеры и строители тоже постарались. Был объявлен конкурс. Рассмотрено много

проектов. И принят проект, который ты видишь. Сделали его архитектор М. Свирский, инженер-конструктор А. Кондратьев и художник К. Рождественский. Руководил коллективом главный архитектор Москвы М. Посохин.

Здание—в форме знамени. Оно стремительно нарастает по высоте: от двадцати метров до ста у «древка».

В лучах прожекторов оно переливается всеми оттенками красного цвета.

Впрочем, оно не полностью красное: покрытие павильона, его кровлю и стены образуют вогнутые четырехугольники — квадраты. Они белого цвета. Сочетание белого и красного характерно для русской архитектуры. Московский кремль, Смоленский кремль, многие другие памятники зодчества сочетают красный кирпич с белым известняком, из которого сделаны карнизы, цоколь, детали башен. Недаром Москву издавна называли Белокаменной...

У входа в здание установлены флагштоки. На них развеваются знамена пятнадцати союзных республик: все наши республики — полноправные участники ЭКСПО.

Есть люди, которые задолго до начала строительства павильона уже осматривали его залы. И не только осматривали: одним пальцем передвигали с места на место концертные рояли, переставляли с этажа на этаж корпуса заводов и электростанций.

Прежде чем строить в натуре, архитекторы делают макет. На макете лучше, чем на чертеже и на рисунке, видно, все ли хорошо придумано и размещено.

Перед тобой — макет ленинского зала в советском павильоне ЭКСПО.

В центре зала — большой экран. На нем непрерывно идет кинохроника: вот Ленин с карандашом в руке на конгрессе Коминтерна, вот беседует с Бонч-Бруевичем во дворе Кремля. А вокруг, по стенам зала, тоже киноэкраны, поменьше, и если их включишь — на них возникнут кадры видовых фильмов о Ленинграде и Москве.

Вообще в павильоне много киноустановок, двадцать шесть на всех этажах. Экраны как бы вместо окон — ведь обыкновенных, настоящих окон в здании нет.

Площадь всех залов — двенадцать тысяч квадратных метров, это примерно с Красную площадь. Есть киноконцертный зал на восемьсот мест, есть телефонная станция для связи с любым городом мира.

И есть множество интересных и неожиданных диковин.

Посетитель павильона может погулять внутри гигантской малахитовой шкатулки. Побывать, не выходя из здания, на Саяно-Шушенской ГЭС. И на берегу Черного моря, в пионерском лагере «Орленок».

В уголке советского цирка его встретят веселые клоуны. Мастера-умельцы из села Богородского и из Хохломы прямо на его глазах будут вырезать из дерева ложки, миски, игрушки, расписывать их «петухами, курьями, разными фигурьями».

Гости слушают музыку Глинки и Чайковского. Видят космические аппараты, созданные в нашей стране. Знакомятся с моделями и ракетами, вышивками и рисунками, которые послали на выставку твои сверстники.

Помнишь «Русскую зиму» юных гатчинцев? Мы писали о ней в октябре прошлого года, заметка называлась «Поезд до Осаки». Поезд прибыл в Японию в срок, и забавная самоделка из Гатчины заняла свое место среди других экспонатов.

А в одном из залов павильона проводится конкурс «Кто лучше знает Советский Союз?» Двенадцать победителей получат бесплатные путевки — и увидят нашу страну уже не на выставке, а наяву.

Ник. Энтелис

Дружба - Приязнь

В шестом «а» классе 117 школы Драгану Сорич не отличишь от ровесниц, хотя родина Драганы — югославский город Шибеник.

«Какая ты счастливая, третий год учишься в СССР», — пишет подружке Сильвия. А Драгана и не скрывает своей радости: друзей и подруг в Ленинграде у нее не счесть.

Письма Драганы к Сильвии:

«Моя подруга Маша Цанова очень любит петь. Мы с Машей выступали под Новый год на празднике елки, пели русские и сербские песни!»

«...Рядом с нашим домом большой парк Лесотехнической академии, настоящий лес. Мы с Машей ходим там на лыжах, ведь в Ленинграде зимой очень много снега. Я уже писала тебе, что мальчики-одноклассники научили меня ходить на лыжах, кататься на финских санях».

«...В школе у меня по всем предметам пятерки. Вот только по алгебре бывают тройки. Но после уроков со мной занимаются Таня Королькова и Таня Шестакова. И я думаю, троек скоро не будет. Девочки даже хотят, чтобы я стала круглой отличницей... А помнишь, совсем недавно я писала тебе, что первые дни в четвертом классе ни слова не понимала по-русски? Спасибо учительнице Майе Николаевне и ребятам. Теперь я читаю по-русски почти так же, как по-сербски. Прочитала «Тимур и его команда»...»

«Своим подругам по классу я часто рассказываю про Югославию. Про наш родной Шибеник. Про героя-партизана Кончара. Вы по-прежнему весной приносите цветы на его могилу? Ребята хотели бы получить фотографию наших мест».

Драгана передала редакции адрес Сильвии: для тех, кто тоже хочет переписываться с ее подругой.

ЮГОСЛАВИЯ. Город Шибеник, улица Босанска, дом 6/6

Буразер Сильвия

Вот мой адрес:
Шимитра Радојка
Р. Р. Јанковић 47/III
Грбавица 2 Сарајево
ЈУГОСЛАВИЈА

В ИНТЕРКЛУБЕ ВЫБОРГСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ состоялась встреча пионеров района с капитаном 1 ранга Георгием Ивановичем Поповым.

Рассказ Георгия Ивановича:

В сорок четвертом году в освобождении Белграда, столицы Югославии, участвовала Дунайская Краснознаменная флотилия. Наши бронекатера вели огонь по береговым фашистским укреплениям. Я был начальником подводно-технической группы. Мы обеспечивали флотилию топливом, «штопали», когда надо, тральщики... Бок о бок с нами работали сербы, хорваты, словенцы. Здесь, на югославской земле, мы почувствовали, что такое интернациональная дружба.

Однажды на наших глазах стал тонуть танкер «Чобанец». Предстояло провести подводную сварку без приспособлений, в чрезвычайных, так сказать, условиях. Я стоял рядом со сварщиком Мирко в холодной воде. Мирко держал наготове сварочный аппарат.

— Скорей, скорей же, — торопил меня Мирко, — перещелкают наших... «Чобанец» отремонтировали за три часа. Когда танкер скрылся за поворотом, Мирко запел от полноты чувств русскую «Катюшу»...

День освобождения Белграда не забуду никогда. Нас внесли в город на руках. Незнакомые люди целовали нас и дарили цветы.

Потом были невероятно трудные дни на судостроительном заводе

в Смедерево, под Белградом, когда нам за одну ночь приходилось возвращать к жизни по несколько боевых кораблей. И еще целых два года после победы мы не могли вернуться домой: вылавливали мины из Дуная, ремонтировали местные тральщики... Наши югославские помощники хорошо говорили тогда по-русски, мы — по-сербски...

И мне радостно, что вы дружите и переписываетесь с югославскими друзьями теперь, спустя столько лет после войны. Как память о тех днях я храню медаль «За освобождение Белграда» вместе с другими своими боевыми наградами.

ТРЕТЬЯ ЗАРНИЦА

Различные военные и невоенные истории, бывшие во Пскове и не только во Пскове, на III Всесоюзной военно-спортивной игре

Сначала давайте познакомимся, а потом будем рассказывать.

Вот это командир отряда, Толя Прохоров, а это — Баир Цыренов, Гена Шувалов, Сережа Румянцев — мои друзья из Бурятии. Из самой северной точки Бурятии: из поселка Нижне-Ангарск.

Нет только Саши Янданова — он был в это время неизвестно где.

Сказать честно, раньше мы друг друга не знали. Но когда познакомились, решили, что как-нибудь я приеду к ним в гости. И не только потому, что там у них, в Нижне-Ангарске, в заводях плавают дикие утки — каждая килограмма на три, и водится омуль, таймень и сомага, а также грузди, маслята и белые, и даже не потому, что есть у них полуглиссер «Балтиец» и настоящий револьвер (Толиного папы, он работает инспектором рыбоохраны, но все равно будем считать, что револьвер у них «есть»), а лес у них... впрочем, у них не лес, а мешок, набитый доверху кедровыми орехами, — нет, совсем не поэтому хочу я поехать к ним, а потому, что сами по себе они отличные парни.

В общем, если тоже соберетесь, то по Байкалу вам надо будет добираться пять дней, а самолетом из Улан-Удэ — всего четыре часа. Это, конечно, значительно быстрее. Но ведь и до Улан-Удэ тоже надо добираться сколько-то дней...

История первая ХИТРОСТЬ

Теперь-то это совершенно другой человек. Теперь его даже приходится сдерживать. Потому что у него всегда появляются идеи, которые просто иногда невозможно осуществить.

А совсем недавно он даже за грибами и на рыбалку ходил один. А чаще сидел дома, и никак его оттуда было не выманить.

Даже Баир Цыренов сказал, что это «потерянный для коллектива человек».

И Шувалов с Румянцевым согласны с этим суждением, хотя сами не очень-то старались ходить с коллективом, а все больше вдвоем.

Но тут началась «Зарница», и каждая отдельная личность стала расцениваться на вес золота.

И тут все стали думать, что делать с «потерянным человеком», поскольку в отряде явно не хватало стрелков.

— Заставить и все! — сказали Румянцев и Шувалов, и когда их предложение отвергли, потеряли к собранию всякий интерес.

— С мамой его поговорить, — сказал Баир Цыренов.

И сам же застенялся: при чем тут мама, когда решаются чисто военные, мужские дела.

— Пусть Геннадий Алексеевич на него повлияет, — сказал Янданов Саша.

Но на него зашумели, потому что и так Геннадий Алексеевич бегал — форму разыскивал, ложки и котелки «выколачивал». У Геннадия Алексеевича были свои дела.

И, как на любом военном совете, последним выступил командир.

— Я попробую к нему сам пойти. Скажу, мол, так и так...

— Да он домой к себе не пустит!..

— Сколько раз так было!..

— Все равно, — сказал командир. — У меня есть для него задание. И я надеюсь, он не откажется...

Дело в том, что «потерянный человек» жутко любил мастерить.

Ага, вы, наверное, уже догадались, что будет дальше: командир принесет ему для починки поломанный стул или стол из канцелярии и «потерянный человек» незаметно вовлечется в игру...

Ничего подобного. Ему уже и парты носили, а он не вовлекался.

Предложение командира сводилось к следующему: просить «потерянного человека» сделать для отряда энное количество деревянных автоматов, потому что никто другой лучше их не делает. А если нужна будет помощь, то ее дадут.

Нельзя сказать, что это был легкий разговор: «потерянный человек» сопротивлялся. Но потом сказал, что подумает, и заметил, что лучше всего красить автоматы в черный цвет.

Вот, собственно, и вся история. Не ахти какая сложная. Но, в конце концов, если бы не она, неизвестно, как долго бы оставался в стороне от отряда «потерянный человек».

История вторая

КАРТА

Это было в то время, когда начинающие разведчики Перхоров и Янданов для повышения квалификации даже в школу ходили по компасу.

Однажды учитель физкультуры Геннадий Алексеевич принес карту.

— Вот, — сказал он, — карта. Будем ее читать.

— Да как ее читать?! — закричали все. — Тут же ничего не написано! Тут одни точки и тире!

— Да? Вы так думаете? — спрашивает Геннадий Алексеевич и начинает эту карту прекрасно читать. — Идемте, — говорит, — разведчики Янданов и Перхоров, по этой проселочной дороге. Слева от нас будет лес, хвойный лес, а справа — поселок. Перейдем мост. Не бойтесь, нас он выдержит, он выдерживает около десяти тонн. Вот он, поселок. Вот дома. Лесопильный завод. Консервная фабрика. Школа. Клуб. Речка. Если хотите, можем перейти вброд. Вот он, брод...

Тут все стали говорить, что, вероятно, Геннадий Алексеевич бывал в поселке раньше, раз он так хорошо его знает, но Геннадий Алексеевич покаялся, что видит поселок в первый раз, — просто читает знаки, которые только что показались всем обыкновенными точками и тире.

Посмотрели тут разведчики Янданов и Перхоров друг на друга и говорят:

— Вот это да! Нам бы так.

Однажды приходит Саша Янданов к Толе и видит: валяются вокруг Толи какие-то бумаги, а сам он сидит за столом и не то рисует, не то чертит.

Саша спрашивает:

— А что это ты делаешь?

— Карты делаю, — коротко отвечает Толя.

Смотрит Саша — точно: на каждом тетрадном листе — карта. И совсем не хуже, чем в «Острове сокровищ».

— Сейчас, — говорит Толя, — я тебя по этим картам спрашивать буду.

Саша говорит:

— Ах, так... тогда я сейчас тоже нарисую и тоже тебя буду спрашивать...

И действительно: садится рядом и немедленно рисует свои собственные карты.

А потом они начинают друг друга спрашивать.

— Это что?

— Ветряная мельница.

— А это?

— Отдельно стоящий дом.

И вразбивку, и подряд спрашивают, и никто не ошибается!

— Что же это? — неуверенно говорит Саша. — Выходит, мы карту выучили?..

Во Пскове, на «Зарнице», после экзаменов, сержант-посредник говорил мне:

— Очень неплохо читают ребята карту. Верно, кто-нибудь занимался с ними. Я только после четырех месяцев службы научился так читать...

— Да нет, — сказал я, — они ни с кем не занимались. Они сами. И карты у них были не очень-то настоящие... знаете, такие, рисованные — от руки?..

История третья

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ВСЕ ВРЕМЯ ПАДАЛ

Или у него в тот день было что-нибудь с центром тяжести, или еще что, но только в тот день он все время падал.

Еще когда бежали пашней, он сразу запутался вместе со своим автоматом в траве.

А потом пошло:

Одним из первых он завяз в болоте, и его оттуда вытаскивали, когда преодолевали траншею, он эту траншею не преодолел, а под конец зацепился за что-то в лесу, и его надо было отцеплять.

И когда ему выпало быть часовым, он себе сказал: «Ну, смотри, Цыренов!..»

Потому что он недоверчиво стал относиться к самому себе.

И тут на машине приехал полковник.

То есть, это, конечно, хорошо, что он приехал, но плохо, что он без пароля хотел мимо Цыренова пройти.

Тут-то Цыренов и сказал ему, что, по его мнению, настоящие солдаты так не поступают

— Ну, тогда сабля... или пуля!.. Опять нет? Ох ты какой, Цыренов, — сказал осуждающе полковник.

Но Цыренов только виновато вздохнул и не дал полковнику пройти.

«Вот, — думал, — опять из-за меня что-то такое нехорошее получается... начальника «Зарницы» не пропустил...»

А вечером были построены отряды, и полковник, строго глядя на Цыренова, объявил ему благодарность «за совершенно правильные действия, которые продемонстрировал Баир Цыренов, находясь на посту».

История четвертая

ПОЧЕМУ ТАК БЫВАЕТ?

За кого беспокоились — тот не подкачал, а за кого не беспокоились — тот подкачал.

Перед стрелковыми соревнованиями все по очереди ложились на землю и показывали Саше Янданову, как надо целиться. Ведь мало того, что Саша носит очки, он еще и закрывает при стрельбе оба глаза.

— Возьми себя в руки, — говорили ему. — И не закрывай при стрельбе оба глаза. И вот Саша на огневом рубеже.

Сначала посмотрел налево, потом посмотрел направо. И слева, и справа целятся. А некоторые слюнят палец, чтобы определить направление ветра.

«Надо стрелять, пока они не начали, — думает Саша. — Когда начнут, даже не хочешь — зажмуришься...»

И, не дожидаясь, пока начали, начал бабахать сам.

Но предварительно, как и велели, один глаз оставил незамуренным.

Отбабахал, поднялся и говорит:

— Ну, все. Даже проверять не буду: уже заранее чувствую — откатились. Потому что, помоему, один глаз дрогнул.

— Куда откатились? — спрашивает посредник.

— На предпоследнее место.

Но посредник между тем проверяет мишень и говорит:

— Сорок два из пятидесяти возможных. Поздравляю.

И вручает Янданову удостоверение «Отличный стрелок».

— Да что вы, — говорит Янданов, — я же случайно!

— Сегодня случайно — завтра не случайно, — говорит посредник.

И все начинают Янданова качать.

и что он, Цыренов, на месте полковника даже и не пытался бы пройти...

— Да ведь ты меня знаешь, Цыренов! — сказал полковник. — Но если ты так хочешь, если настаиваешь, то тогда, конечно, я сейчас вспомню пароль... Подкова? Нет?

— Нет, — сказал Цыренов.

А за командира Перхорова никто не беспокоился. Разобрать и собрать автомат, для него это — считанные секунды. Но неожиданно Толя так разволновался, что одну деталь в автомате не туда засунул, и четыре посредника ее долго потом оттуда вынимали.

Почему так происходит?

История пятая

ТРИ СЕСТРЫ

Если говорить честно, Сережа Румянцев считал себя невезучим человеком (будешь считать невезучим, если есть у тебя три младшие сестры).

И хотя приятель Гена Шувалов говорил, что у некоторых бывает сестер еще больше, у самого-то Шувалова младших сестер совсем не было.

Должен сказать, я понимаю их.

Стоило им не сделать уроки — сестры докладывали.

Стукнули друг друга или сестер стукнули — снова докладывали.

Вместо домашних работ, отправились на рыбалку — сестры опять тут как тут.

Поневоле взвоешь.

Однажды пошли приятели в лес (это незадолго до «Зарницы» было), а по дороге — в цепь разворачиваются, по-пластунски ползают, гранаты, то бишь, камни кидают — в общем, репетируют. И все хорошо у них получается, и настроение у них от этого стало бодрое. И на радостях Гена Шувалов вздумал залезть на кедр.

Залез-то не очень высоко, а падать оказалось довольно скверно.

В общем, два километра тащил Сережа Румянцев своего приятеля — где на себе, а где тот сам шел.

Домой не поведешь — там Генке сразу всыпят. Привел к себе.

Сестры, хоть и меньше, оказали необходимую помощь: йодом все царапины смазали.

— Эх, вы, — говорят, — как же вы теперь воевать будете?

А Сережа шепчет:

— Вот увидишь, все равно родителям скажут. И нас тогда на «Зарницу» не пустят.

Но день прошел — сестры взрослым ничего не говорят.

Даже больше того — помогают собираться: все глядят, в чемодан укладывают.

Генка говорит:

— Где же у тебя сестры плохие?..

Сережка говорит:

— Это они сейчас не такие плохие... В данном случае они просто хорошо себя повели...

— А в других случаях? — спрашивает Генка и веснушки у него на лице от смеха просто начинают прыгать.

— Ну, если говорить честно, — отвечает Сережа, — то в других случаях мы сами, наверно, были виноваты.

В общем, собрались приятели на «Зарницу», и сестры пришли их провожать.

— Ведите себя там как следует, — сказала Анна.

— И не ссорьтесь, — сказала Лида.

— И возвращайтесь с победой, — сказала Наташа.

А Сережа с Генкой сказали:

— Ладно.

Впрочем, и сейчас Сережа считает, что сестры у него все-таки немножко вредные. Но в мире с ними жить можно!

Послесловие:

Вот и все о моих знакомых. Они не завоевали Главного приза (он достался юнармейцам из города Орла). Но это была их первая «Зарница», и все у них еще впереди.

Клуб мушкетёров

веселая игра для городского двора
и деревенской улицы

Мушкетеры были
отважными и спра-
ведливыми людьми,
отлично владели шпа-
гой. Это нам подхо-
дит. Будем играть в
мушкетеров.

Костюм

Шляпу смастерите из картона и
покрасьте в темный цвет. Украше-
ние на шляпе — яркое. Деревенские
ребята делают его из перьев, го-
родские — из цветной бумаги, мо-
чала.

Тесемки нагрудника завязываются
на спине. Поверх надевается корот-
кий плащ. У первой роты мушкете-
ров плащи темно-зеленые, нагруд-
ники светло-зеленые. У второй роты
плащи синие, нагрудники голубые.
На плащ и нагрудник нашиваются
изображения перекрещенных шпаг
из белой материи.

Штаны — любые. Сапоги могут
быть резиновые, болотные, кирзо-
вые. Можно приспособить к ботин-
кам картонные или матерчатые го-
ленища.

Шпага

Заготовьте ивовые прутики сред-
ней толщины, чтобы легко гнулись.
Длина — метр. Толстый конец на 20
сантиметров обмотайте изоляцион-
ной лентой, а сверху веревочкой.
Сделайте защитную чашку (гарду)
из жести или фанеры, диаметром 15
сантиметров. К брючному ремню
приладьте петлю, в которую будете
продевать клинок вашей шпаги.

Каждый мушкетер обязан раздо-
бить защитные очки типа мотоцик-
летных. Без очков в игру не при-
нимайте!

Приемы боя

Как нападать?

Приняв боевую стойку, вытянуть
руку с оружием вперед (показ
укола).

Показав укол, добавить выпад
(укол прямо).

Показать укол в одно место, а уко-
лоть в другое (укол с обманом).

Показать укол. Когда противник
начнет отбивать, клонуть кончиком
прутика, пропустить прутик против-
ника, затем вернуть свой прутик на
прежнее место и уколоть прямо
(укол с переводом).

Как защищаться?

„Ивовый прутик“

Шпага при защитах остается параллельной сама себе, ни в коем случае не движется веером.

Защита — толстой (сильной) частью прутика. Она-то уж отобьет слабенький кончик прутика противника.

Защита — неширокая, не шире корпуса.

После защиты обязательно отвечайте уколom. Запрещается колотить в голову. Тот, кто получил укол, обязан стать на колено и сражаться, не сходя с места. Тот, кто получил второй укол, выходит из боя.

Клуб работает

Дважды в неделю мушкетеры собираются для игры, на три часа, в костюмах и при шпагах. Капитаны выстраивают обе роты на строевой смотр. Разыгрывается молниеносное первенство по фехтованию на шпагах (бой на один укол, проигравший выбывает).

Затем начинается самое интересное — приключения. Обе роты рассыпаются по закоулкам, синие стараются напасть врасплох на зеленых, зеленые — на синих.

В школьном концерте разыгрывается инсценировка по роману Александра Дюма «Три мушкетера». Непременно прочтите роман, а ин-

сценировку попросите сочинить учителя литературы.

Что дальше — придумайте сами.

Мушкетеры

Они отважны, благородны, вежливы.

Они сражаются с превосходящими силами противника. И при этом не теряют присутствия духа. Во время боя они шутят.

Они строго соблюдают правила игры. Получил укол — тут же признайся. Получил второй — и тут не моргни глазом, без задержки выйди из боя. И при этом во что бы то ни стало — с улыбкой!

Кроме капитана, в каждой роте есть лейтенанты. Самым достойным на одну неделю дается имя д'Артаньяна, Атоса, Портоса, Арамиса (кто они такие, узнаете, когда прочтете роман Дюма. Его можно читать вслух всей ротой).

Придумайте собственные правила. Лишь бы сохранился дух мушкетерской справедливости и отваги.

Ни в коем случае не сражайтесь без защитных очков, если не хотите больших неприятностей.

Напишите нам, как поживает ваш клуб мушкетеров «Ивовый прутик».

„СПИДОЛА“

РАССКАЗ

Юрий Хазанов

Рисунки В. Орлова

О «Спидоле» папа мечтал несколько лет, но никак не мог купить. И вот завтра они с мамой поедут и купят, наконец, серенькую, как мышка, «Спидолу» с белым нагрудничком и белой спинкой.

Папа говорил о приемнике, как о любимой кукле, и Мариша его просто заслушалась.

— Только, — сказал папа и пристально поглядел на Гришу, потом на Маришу, потом опять на Гришу, — только чтобы самим не включать. И не подходить ближе, чем на пушечный выстрел. Понятно?

Голос у папы был такой строгий, что Мариша не посмела спросить, а сколько это «пушечный выстрел», да и Гриша только молча кивнул головой.

На следующий день папа принес домой картонную коробку. Широким жестом он распахнул четыре клапана крышки и отступил на шаг — словно ожидал, что сейчас появится какое-то чудо. Чудо не появилось, и тогда папа движением фокусника опустил в коробку руки и вытащил оттуда приемник — словно ведро, за дужку. Только был он совсем не серый, как мышь, а черный и блестящий, как машина «Чайка». И сверху у него была белая пуговица. Папа дернул за эту пуговицу, и выросла из приемника металлическая ветка; дернул еще — из ветки выросла другая; потом третья, четвер-

тая, — и, наконец, взвилась над «Спидолой» серебристая антенна, как длинный и тонкий указательный палец.

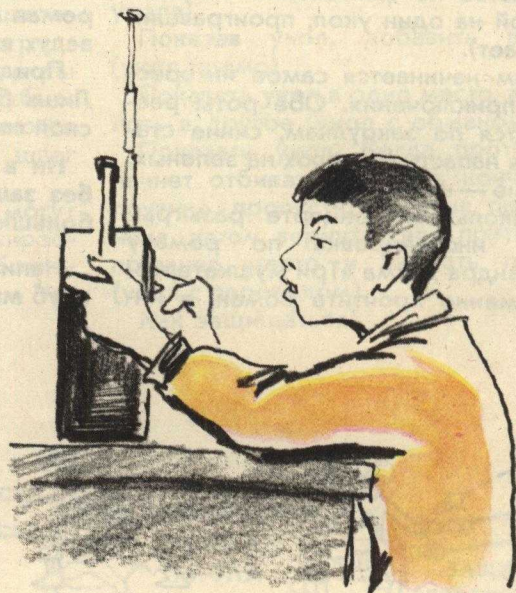
Потом папа щелкнул левым колесиком, повертел правым — и приемник заговорил, зашипел, затрещал, а мама сказала, что мало ей шума от детей и от соседей, так вот еще... Тогда папа ушел в другую комнату, закрыл за собой дверь и долго там играл со своим приемником. А когда наигрался, опять строго посмотрел на Гришу и сказал, что знает его, как облупленного, и поэтому предупреждает последний раз: к приемнику не прикасаться...

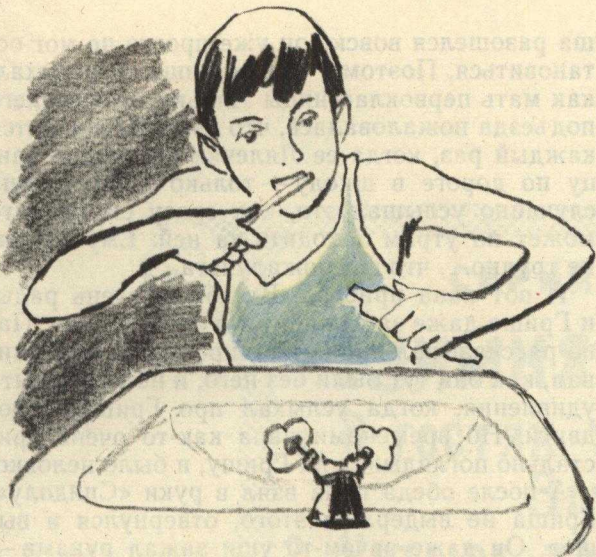
Через несколько дней папа уехал в командировку, а «Спидола» осталась стоять на папином столе и манила всеми своими колесиками и пуговками.

«Да, а чего? — думал Гриша. — Что особенного?.. Вот здесь щелкнуть, там повернуть... не забыть антенну вытащить. Это каждый умеет, не только папа. Сейчас у всех приемники. Все крутят, только мне одному нельзя. Как будто я хуже других... Все крутят — и ничего...»

Постепенно Грише стало казаться, что, вообще, с ним всегда и во всем поступали несправедливо. Калоши надевай, хотя почти сухо... На полке у себя убирай. А зачем? Все равно завтра опять так же будет... Теперь еще приемник не трогай... Возьму и трону, и ничего не случится...

Весь день Гриша крепился, а назавтра, когда никого не было дома, решительными шагами приблизился к папиному столу, пододвинул к себе приемник, щелкнул левым колесиком, по-

вертел правым... да, еще антенну вытащить надо... Опять повертел правым... И приемник заговорил. Гриша быстро крутил колесико, и разговор сменялся музыкой, музыка — воем и треском, потом снова слышался разговор, опять музыка. Как будто едешь в поезде с открытыми окнами мимо длинной-длинной платформы.

И вдруг все исчезло — и платформа, и люди, и песни. Никого не стало. Тишина... Что такое? Гриша крутанул колесико в одну сторону, в другую — ничего. Он постучал по крышке приемника, выключил его, опять включил, приложил ухо к его белым ребрам... Ни звука.

Грише стало жарко, словно он только что закончил бег наперегонки. Он даже задышал, как после финиша, дрожащими руками приподнял приемник, покачал его и переставил на другое место. Но и это не помогло. Черный блестящий ящик молчал, словно так всегда было.

Грише вдруг стал противен этот холодный лакированный обманщик, ему захотелось ударить его, исцарапать крышку, вырвать белую пуговицу. Но, вместо этого, он тихонько убрал антенну, повернул левое колесико до отказа вниз и поставил приемник точно на прежнее место. Потом, с оглядкой, будто надеясь, что произойдет чудо и «Спидола» заговорит, он медленно отошел от папиного стола, а у самой двери быстро шагнул за порог. Может, он вовсе и не заходил в эту комнату, не включал «Спидолу». Может, кто-то другой и заходил, только не он... Во всяком случае, никто не докажет.

Следующие несколько дней мама просто не переставала удивляться. Да и как иначе, если вел себя Гриша как примерные мальчики в английских книжках. В доме только и слышно

было: «Да, мама», «Хорошо, мама», «Спасибо, мама».

Но и этого мало. И в делах, а не только на словах, Гриша оказался на высоте. Он с удовольствием выносил помойные ведра, с наслаждением чистил зубы и мыл руки, и, казалось, не дай ему лишний раз сходить за хлебом — он просто заплачет от огорчения.

А в школе? Когда эта надоеда Шурка Смирнова пристала к нему, чтоб он написал заметку про сбор макулатуры, Гриша даже не сказал ей «катись ты», а просто сел и написал. За один раз.

Его учительница уже звонила маме и говорила, что Гриша сделал резкие шаги к улучшению: почти не разговаривает в классе, меньше бегаёт на переменах и неожиданно хорошо спел «Сурка» на уроке пения.

Гриша и сам толком не понимал, что с ним приключилось, почему он так лезет из кожи, для чего все время вытирает пыль и бегаёт в магазины, зачем моет и драит самого себя, словно усердный матрос палубу? Дело тут было не в страхе. Нет. Папа ведь не Иван Грозный и не убил бы своего сына из-за «Спидолы». Гриша твердо знал, что его не ударят и не лишат денег на кино.

Но чего боялся и не любил Гриша — это папиных разговоров о том, что, значит, Грише нельзя верить, что все его обещания — трюнка и просто тьфу — плюнь да разотри, что на него невозможно надеяться и все такое...

При этом папа обижается по-настоящему, и глаза у него — как у Гришиного друга Сашки, если у того отнять что-нибудь. И тогда не зна-

ешь, как сделать, чтобы папа глядел по-другому... Сашке еще можно сказать: «Брось, хватит дурака валять. На тебе твой мяч. Заплакал уже...» А с папой так не поговоришь...

Мама сказала Грише, что лучше подарка к приезду папы и представить трудно. А Гри-

ша разошелся вовсю, он уже просто не мог остановиться. Поэтому, только лишь он услышал, как мать первоклассницы Ляльки из соседнего подъезда пожаловалась, что очень беспокоится каждый раз, когда ее Лялечка переходит улицу по дороге в школу — только лишь Гриша случайно услышал это, как сразу сказал, что может по утрам заходить за ней. Ему совсем не трудно... что вы, пожалуйста.

И вот папа приехал. Все были очень рады, и Гриша даже забыл немного о «Спидоле». Папа рассказывал про командировку, расспрашивал, как они тут были без него, и не мог скрыть удивления, когда услышал про Гришины подвиги. Но временами папа как-то очень пристально поглядывал на Гришу, и было неловко.

А после обеда папа взял в руки «Спидолу». Гриша не выдержал этого, отвернулся и вышел. Он даже зачем-то уши зажал руками — наверно, чтоб не слышать удивленного и огорченного папиного возгласа.

И вдруг — Гриша не поверил своим ушам — вдруг раздалась негромкая музыка. Она доносилась не с улицы и не от соседей, нет, он сразу узнал: это был знакомый голос «Спидолы». Гриша отнял ладони от своих запылавших ушей, и музыка стала еще громче, а звук еще более знакомым. Ура! Милая, черненькая «Спидола»! Она работает! Какой у нее чудесный голос...

Небрежной походкой Гриша направился к папе в комнату, где, оказывается, сидел уже их сосед Илья Семеныч. Они с папой курили и под музыку беседовали о политике. И вдруг музыка оборвалась...

«Ой!» — подумал Гриша, но тут же вспомнил, что теперь он уже ни в чем не виноват, и ему стало хорошо и спокойно.

А папа тоже не разволновался. Он сказал, что вообще-то приемник работает — тьфу, тьфу, тьфу — отлично. Только вот иногда... поглядите, Илья Семеныч... антенна слишком свободно ходит в своем гнезде, и поэтому нижний стержень немного опускается. А если он опущен, короткие волны не работают... Видите? Так нет, а так есть...

Илья Семеныч сказал, что это ерунда: снять заднюю крышку, подтянуть винтик — и все будет в ажуре.

А Гриша весь покраснел от обиды: ведь надо же, как его обманула эта противная «Спидола» с таким неприятным голосом! Жаль, он сразу не догадался про антенну — тогда мог бы и приемник слушать, и вести себя, как все люди, а не выкомаривать неизвестно что, не лезть из кожи и не стараться, как дурак какой-нибудь...

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

„ЗИМНЯЯ ВСТРЕЧА“

1. В гостях у режиссера Згуриди.
2. Четыре танкиста и собака тебя приветствуют.
3. Хвалим - ругаем.

СЕРИЯ ВТОРАЯ

„ВЕСЕННЯЯ ВСТРЕЧА“

УСТАВ КИНОКЛУБА

- § 1. Членом киноклуба может быть каждый читатель «Костра».
- § 2. Член киноклуба обязан присылать письма со своими пожеланиями и предложениями.
- § 3. Член киноклуба должен сообщить, кого из киноактеров он предлагает выбрать президентом клуба.
- § 4.
- § 5.
- § 6.

Допишите устав сами и пришлите нам его полный текст.

КЛУБ КИНО ДЛЯ ВСЕХ.

ЛЕСНАЯ ТРОПА К ЭКРАНУ

Евг. Рейн

Если вы смотрели «Белый клык», «Лесную быль», «Во льдах океана», «Дорогой предков», «Зачарованные острова», «Лесную симфонию», знайте: это Александр Михайлович Згуриди.

Если перед вами в темноте кинозала птицы выкармливали птенцов, волки делили добычу, бобрята выходили из своей подводной хижины, а рак-отшельник примерял новую раковину, значит, вы знакомы с режиссером Згуриди, хотя можете и не подозревать этого.

Разные фильмы снимал Александр Михайлович: фильмы строго научные и фильмы популярные, доступные каждому; фильмы, в которых играли знаменитые актеры, и фильмы, в которых человек даже не появлялся. Но все они объединяются главным — это фильмы о природе и о животных.

Згуриди знает нравы и повадки зверей не хуже, чем лесники, или охотники, или ученые-натуралисты. По его фильмам можно изучать природу, они соединяют в себе искусство и науку.

До того, как я посмотрел фильм «Зачарованные острова», я даже не представлял себе, как хищник догоняет жертву. Бежит быстрее, думал я, вот и все. Оказалось — ничего подобного. Совсем наоборот.

В этом фильме волки преследуют сайгаков. Сайгаки — разновидность антилоп. У нас в стране они встречаются чаще всего в Казахстане и Средней Азии. Сайгак — один из чемпионов мира животных по бегу. Километр он пробегает за сорок секунд. И все-таки волки, скорость которых меньше сайгачьей в два раза, настигают сайгаков.

Пользуются волки тем, что сайгаки бегут всегда по прямой, не делают петель и резких поворотов. Если на пути у них бугры, канавы, кусты, сайгаки идут напрямик и тут движутся гораздо медленнее. Вот в таких местах и подкарауливают сайгаков волки.

Это только один из тысячи случаев. Режиссер-натуралист должен знать все о жизни своих «актеров». Только тогда он может найти место около звериной тропы и сказать: «Снимать будем здесь, здесь произойдет то, что мне нужно».

Иногда, чтобы снять один-единственный кадр, нужен труд многих дней, даже месяцев. И это где-нибудь в болоте, в шалаше, в котором нельзя пошелохнуться, потому что тогда испугаешь птицу, ради которой все это и делается.

В дельте Волги снимался фильм «Жизнь птиц».

Александр Михайлович рассказывает:

— Мы сидели в укрытиях, построенных из свежих веток. Сидели в ватниках и теплых брюках — только такая одежда защищала от комаров, а жара стояла тридцатиградусная. Мы знали — терпение, одно терпение могло нам помочь. И если у нас хватит терпения, то через день, неделю, месяц мы увидим то, что хотим. Зато как мы бывали счастливы, когда удавалось что-то снять. Ну, например, как птенец баклан вытаскивает из глотки матери кусок рыбы.

Но одного терпения далеко не достаточно, чтобы фильм получился.

Среди фильмов Згуриди есть один особый —

«Лесная быль». Это картина о жизни бобров, удивительнейших зверей, сооружающих такие сложные подводные и надводные постройки, что инженеры-гидротехники только руками разводят.

Бобры ведут ночной образ жизни, а кино-съемки происходят днем. Можно было бы облегчить задачу — выдрессировать нескольких животных и работать с ними. Но это режиссер категорически отверг. Дрессированных зверей Згуриди не снимает, его актеры должны сохранить все инстинкты и привычки своей настоящей жизни.

И вот Згуриди решил, что бобры переменяют ночь на день, научатся при солнечном свете выполнять работу, которую их предки миллионы лет делали ночью.

Семейство бобров, выбранное для съемки, перевели на дневное питание. На ночь все съедобное убиралось от хатки бобров, напрасно искали бобры еду, они возвращались к себе домой голодными. А утром рядом с домиком оказывались осиновые ветки — самое любимое лакомство бобров. На пятый день звери не выдержали — при ярком солнечном свете они покинули хатку и сытно пообедали осиновыми ветками. Застрекотали кинокамеры, съемка началась.

И вот на экране играют, барахтаются бобрята, бобр валит дерево, бобреха вытаскивает из воды сына и несет его, прижимая передними лапами. А ведь этого не то что в кино, а просто воочию почти никто до фильма Згуриди не видел.

Любовь ко всему живому, от крошечной птички до великана-оленья, наполняет фильмы Згуриди.

После окончания съемок «Белого клыка» остались звери, вывезенные из родных мест и вроде бы уже никому не нужные.

Двух медвежат Згуриди поселил у себя дома. Медвежата скоро обжили квартиру и почувствовали себя на паркетном полу не хуже, чем на лесной поляне. Целыми днями они бородились, катали по комнатам специально им выданное полено, затевали все свои испытанные медвежьи игры.

Соседи терпели-терпели, не выдержали и стали жаловаться. И тогда Александр Михайлович пошел к министру и предложил организовать заповедник для зверей-киноактеров, уже привыкших к человеку. И такую лесную дачу открыли во Владимирской области. Там и сейчас обитают целые поколения зайцев, ежей, соболей, белок, тысячи птиц. В любую минуту они готовы стать актерами нового фильма.

Александр Михайлович Згуриди говорит:

— Все, все под силу человеку. Мы построим такие гидростанции, что нынешние покажутся игрушками, мы атомную энергию заставим варить нам суп. Да что там говорить, мы уже на полпути ко всему этому. Но если мы вырубим леса, засушим реки, погубим диких животных — никакая наука и техника их не восстановит. Они исчезнут навсегда. И жизнь человека станет скучна и уныла. И наши потомки нам этого не простят.

Кто это мчится на танке «Руды» под номером 102? Наши старые знакомые!

Когда по телевидению прошли первые серии фильма «Четыре танкиста и собака», к Варшавской телестудии по несколько раз в день стала подъезжать специальная почтовая машина. Буквально мешками из нее выносили почту. Особенно много писали авторам фильма дети. Тогда работники польского телевидения подумали: «А не создать ли для ребят телевизионный «Клуб танкистов»? И создали, вместе с редакцией радиопередачи «Голубая эстафета» и газетой «Свят молодых». Его возглавили сценарист фильма полковник Януш Пшимановский и художник Симон Кобилинский.

По телевизору прозвучал первый приказ: «Организовать «танковые экипажи» в классе, во дворе дома, в своей квартире». Экипаж должен состоять из четырех человек: командира, механика, стрелка-радиста и заряжающего, — и собаки. Можно заменить ее кошкой, хомяком, попугаем, даже черепахой: ведь у нее панцирь — как танковая броня.

«Танкисты» получали удостоверение. На них надпись: «Беречь честь экипажа, помогать другим и всегда с улыбкой преодолевать трудности». И эмблема: танкистский шлем и собачья лапа.

Восемьдесят тысяч польских ребят вступили в «танковые экипажи», включив в них еще двадцать тысяч зверей и птиц.

Первое боевое задание — окружить заботой дворовых собак. Строили, ремонтировали, утепляли собачьи конуры. Заодно переименовали многих их обитателей в Шариков — в честь фильма.

Одна из операций таинственно называлась «Рука-невидимка». Ребята незаметно поднесли подарки тем, кто в новогоднюю ночь остался на службе: милиционерам, пожарным, шоферам такси и железнодорожникам, врачам и телефонистам.

Член «Клуба танкистов» регулярно готовит уроки и учится без двоек. Так записано в уставе, так оказалось и на деле.

А в ответ на добрые ребячьи дела варшавские телевизионники продолжили приключения танкистов и Шарика. Новых серий снято знаете сколько? Восемнадцать! Скоро вы увидите их на экранах!

— Б. Миронков, А. Костриц

Адрес «КЛУБА ТАНКИСТОВ»:
Польша, Варшава,
Пулавска, 61, Сирена

**КОНЕЦ ПЕРВОГО
ЗАСЕДАНИЯ**
ДО ВСТРЕЧИ В ИЮНЕ

ЖДЕМ ОТ ВАС ПИСЕМ!

ХВАЛИМ-РУГАЕМ ХВАЛИМ-РУГАЕМ

**КОММЕНТАРИЙ АЛЕКСАНДРА
ЧЕЧУЛИНА,
ОПЕРАТОРА ФИЛЬМОВ
„РЕСПУБЛИКА ШКИД“
и „МЕРТВЫЙ СЕЗОН“**

Из снимков, которые вы присылаете в журнал, я выбрал работу ученика 7 класса 220 ленинградской школы Володи Косарева «Опасный момент». На мой взгляд, Володе удалось передать напряжение и азарт баскетбола. И не только это. Посмотрите на мальчишку, делающего бросок. Он выглядит профессионалом среди своих товарищей. И Володя сумел это увидеть. Вообще фотография очень достоверна. Композиция ее не придумана, не поставлена нарочно, она возникла в момент игры, а репортер запечатлел ее.

Но фотография была бы лучше, если бы Володе удалось больше оторвать игроков от фона. Это можно достичь длиннофокусной оптикой и точной наводкой на фокус. Можно выбрать и более выразительное освещение. Возможно, контражурное, которое бы подчеркнуло силуэты игроков.

**ВСЕ ФОТОЛЮБИТЕЛИ МОГУТ
ПРИСЫЛАТЬ В КИНОКЛУБ
СВОИ РАБОТЫ
РАЗМЕРЫ — ЛЮБЫЕ,
ТЕМЫ — ЛЮБЫЕ,
КОЛИЧЕСТВО —
НЕОГРАНИЧЕННОЕ**

ХВАЛИМ-РУГАЕМ ХВАЛИМ-РУГАЕМ

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

Уголёк № 2

МИШИН ХЛЕБ

А. Крестинский

Миша у калитки стоял с отцом. „Смотри, Миша, — говорит отец, — у нашей калитки хлеб растет“. И показывает: у самой калитки среди травы поднялся колосок и желтеет на солнце. Отец повернулся и пошел в дом, а Миша стал смотреть на колосок. „Вот, — думает, — хорошо, скоро хлеб вырастет. Какой только? Черный или белый? Пускай белый. Уходить нельзя, а то еще прозеваю, как хлеб покажется“.

Мимо шли люди, бежали бродячие собаки, пробирались вдоль забора кошки, пролетали птицы, и всем-всем Миша говорил:

— Глядите, у меня хлеб растет!

А потом вдруг запыхала, загремела, заурчала, закашляла улица, выскочил из нее красный мотоцикл, а на нем Гоша — мамин младший брат.

— Здорово, старик! — сказал Гоша.

— Гляди, — показал Миша, — у меня хлеб растет!

— Бывает, старик, бывает...

Гоша сорвал Мишин колосок, стал в зубе ковырять.

1

3

Все перепутал рисовальщик:
фехтует клюшкой фехтовальщик,
рапира колет мяч над сеткой,

гребец по волнам бьет ракеткой,
а Фирсов мчится напролом
к воротам вражеским с веслом!

2

Мише глаза застлало. Кинулся он на Гошу и кулаками его, кулаками.

— Ты что, старик, сдурел?..

Гоша к дому — Миша за ним. Колотит по спине, а у самого — слезы.

Выбежали отец с матерью, схватили Мишу и давай объяснять ему, что зря, мол, он плачет, что никакого горя у него нет, что буханка из одного колоска вырасти не может...

— Надо, Мишенька, сначала много колосьев собрать...

— Да знаю я, знаю...

Вырывается Миша.

— А потом, Мишенька, надо зерна из них вытрясти...

— Да знаю я, знаю...

Вырывается Миша.

— А потом, Мишенька, зерна эти надо в муку перемолоть...

— Да знаю я, знаю...

Почти вырвался Миша.

— А потом, Мишенька...

— Да знаю...

Вырвался Миша.

— Куда ты, Миша?!

Отвечать Мише некогда. Он догоняет Гошу. С кулаками, конечно. Гоша едва спасся. Сел на свой мотоцикл и — дrrr!..

СТАРУШКА НА ПОТОЛКЕ

Владимир Лифшиц

Я знал одну старушку,
Которая в кулак
Поймала как-то мушку
И ей сказала так:

— Ты у меня получишь
Кусочек сахарку,
Коль ты меня научишь
Ходить по потолку.

4

— Согласна! — молвит мушка, —
Труда большого нет.
Подставь, старушка, ушко,
Открою свой секрет...

Ученье шло отлично,
Короткий минув срок, —
Старушке безразлично,
Что пол, что потолок.

Когда к ней внучка Галка
Ужасно пристаёт,
Когда ей внучка Галка
Покою не даёт,

Она от внучки Галки
Спешит на потолок
И там сидит в началке
И вяжет свой чулок.

Алло! Институт? Что нового?

АГРОФИЗИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ:

— Придумали шубы для плодовых деревьев. Ведь в суровую зиму им бывает холодно, особенно южанам — апельсинам, лимонам.

Наша шуба легкая, прочная и служит несколько лет. Сделана она просто: тонкая пластмассовая пленка, покрытая алюминиевым порошком.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРОЕКТНАЯ КОНТОРА ТРЕСТА

«СЕВЗАПЭНЕРГОМОНТАЖ»:

— Сообразили, как обойтись без электропечи.

На огромных котлах электростанций — паутина трубопроводов. Трубопроводы служат три года, от силы пять. Больше не выдерживают — начинают течь. Вот если бы их покрыть эмалью, так, как эмалируют кастрюли!

До недавнего времени это было невозможно: при эмалировании требуется нагрев, а шестиметровую, полуметровой толщины трубу в электропечь не сунешь.

Лауреат Государственной премии профессор Подклетнов решил: не трубу в печь, а «печь» в трубу! И не электро-, а высокочастотную: внутрь трубы вводится стержень-индуктор. И эмалируется не вся труба сразу, а по частям, по участкам.

Теперь можно обрабатывать трубы любой длины, а служить они будут в четыре раза дольше.

ИНСТИТУТ АНТИБИОТИКОВ:

— Недавно отправили на завод для массового изготовления первый антибиотик, который можно вводить прямо в вену. Это менее приятно, чем глотать, но зато действует лекарство гораздо эффективнее.

Окончились испытания амфотерицина Б, единственного антибиотика, который может спасти больного страшной болезнью — глубоким микозом.

До сих пор мы покупали это лекарство в США, за валюту, а теперь создали свое.

ЛАБОРАТОРИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:

— Сделали гезотайп.

Гезотайп — это коробка, снаружи — три клавиши, внутри — электронная схема. Нажимайте клавиши, одним, двумя или тремя пальцами сразу, и в контрольном окошечке будут появляться буквы. Какие — зависит от положения пальцев, а запомнить положения поможет таблица.

Для обучения печатанию на гезотайпе надо самое большое три часа, а рекордсменам достаточно и полчаса.

Сейчас идет работа над новой моделью гезотайпа. Цель — сделать его таким проворным, чтобы он печатал со скоростью человеческой речи.

УРОК ЧЕМПИОНА

17 сентября прошлого года на чемпионате Европы по легкой атлетике в Афинах Виктор Санеев получил золотую медаль и установил новый рекорд Европы в тройном прыжке. О его результате — 17 метров 34 сантиметра — достаточно сказать, что он на полметра больше результата серебряного призера! Далее тройным прыжком прыгал только один человек в мире... — тот же Виктор Санеев, на Олимпийских играх в Мехико, где он и установил свой фантастический мировой рекорд — 17 метров 39 сантиметров.

— Талант? У меня в Сухуми были и поталантливее ребята, — говорит бессменный тренер чемпиона Аноп Самвелович Керселян. — Где они теперь, бог ведает. Витя с детства относился к тренировкам чрезвычайно серьезно. Был тощ, худ, но со стадиона, с баскетбольной площадки уходил последним. Таким он и остался. За все годы один-единственный раз нарушил спортивный режим по моей просьбе: на праздновании моего шестидесятилетия выпил рюмочку вина. Несколько лет назад Виктор серьезно повредил толчковую ногу. Мы на полтора года уехали в родной Сухуми. Лазали по горам, охотились на диких коз. Поврежденную ногу берегли, но тренировок не прекратили.

— В результате у меня две толчковых ноги, — смеется Виктор.

Он пробегает стометровку за 10,8, в длину прыгает больше 6 м 90 см. Начал прыгать тройным в семнадцать лет.

Вообще ни в коем случае нельзя рано специализироваться в каком-то одном виде легкой атлетики. До семнадцати-восемнадцати лет нужно заниматься всем сразу: бегом, прыжками, метаниями, играть в подвижные игры.

Мальчикам старше 14 лет (не менее двух лет прозанимавшимся в школе «Спринт»), которые интересуются тройным прыжком, Виктор Санеев предлагает план тренировок. Специальные тренировки должны быть только частью общетренировочной программы (например, раз в неделю).

Контрольные упражнения (Результаты даны высшие для мальчиков 14—15 лет)

1. Пятерной прыжок на толчковой ноге с небольшого разбега (18,5 м).
 2. Бег 30 м с низкого старта (4,3 сек.).
 3. Прыжок в длину (за 5 м).
 4. Метание камня (4 кг) двумя руками из-под себя (10 м).
 5. Прыжки с ноги на ногу (60 м).
 6. Скачки на одной ноге (30 м).
 7. Прыжки на двух ногах (20 м).
- Обязательно включать в тренировку игры.

Тройной прыжок

Выполняется следующим образом. Разбежаться, толкнуться от планки и выполнить последовательно три прыжка: первый — «скачок» (выполняется несколько ниже, чем прыжок в длину, как бы пробегая через планку, в воздухе прыгун подтягивает толчковую ногу, выносит ее согнутую в колене вперед, приземляясь, активным движением опускает толчковую ногу на землю); второй прыжок — «шаг» (постановка ноги в конце первого прыжка и следующее отталкивание должны слиться в одно движение, второй прыжок делается повыше, бедро согнутой маховой ноги энергично выносится вверх, затем прыгун активно опускает маховую ногу на землю); третий прыжок — «прыжок» (в одно движение с предыдущим энергично толкается маховой ногой и выносит ее вперед-вверх, последний прыжок высокий, способом «сгорчившись»; приземление на две ноги).

Разбег не более четырнадцати беговых шагов на соревнованиях, не более 6—8 на тренировках. Прыгать надо стараться низко и длинно.

В тройном прыжке надо стремиться к таким пропорциям: на 12 м — 12 м = 4,5 м + 3,2 м + 4,3 м; на 13 м — 13 м = 5 м + 3,5 м + 4,5 м (результаты здесь также приводятся высшие для вашего возраста).

— Как прыгаете тройной вы, Виктор, мы знаем, а как выполняете контрольные упражнения?

— Примерно так: пятерной прыжок — 23,5 метра, семикилограммовое ядро — 16 м 20 см, 30 метров с низкого старта — за 3,8 секунды.

Записала беседу Е. Виноградова

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Корреспондент ТАШШ (Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов) встретился с заслуженным тренером СССР Владимиром Григорьевичем Заком.

— Почему шахматы считаются спортом? Ведь, матуя короля, не бегают, не прыгают, не выжимают штангу...

— Это так. Но шахматы — спорт, так как в них состязаются: сильнейших выявляют в соревновании. К тому же шахматы развивают самодисциплину, настойчивость, волю к победе.

— Когда пришел в Ленинградский Дворец пионеров Борис Спасский? Хорошо ли он тогда играл?

— Записался он в нашу секцию в 9 лет. А играл, как и другие новички, примерно так: 1. e2—e4 e7—e5 2. Cf1—c4 Cf8—c5, и тут Боря высказывал ферзем на h5, в расчете, что противник зевнет «детский мат» на f7...

— Но все же — выделялся он чем-нибудь?

— Да, конечно. Любовью к шахматам! Он ходил не два дня в неделю, а ежедневно. Он ревностно выполнял все задания. И благодаря этому и своим способностям скоро стал побеждать всех своих сверстников. Отдельные старшечки скептически относились к быстрым успехам Бори. «Подумаешь! — говорили они. — Мелюзгу бьет Ну и что? Попадет в наш турнир — мы ему покажем!» Но вот Боря, набрав второй разряд, попал в их турнир. Итог заставил скептиков прикусить язык.

— Какие качества определяют рост шахматиста?

— Трудолюбие и способности. И нельзя отрывать их друг от друга! Ознакомившись с почтой АРЧЕБЕКА, я увидел, что ими обладают многие рыцари... Желаю им высоких шахматных достижений!

БЮРО „ВОПРОС — ОТВЕТ!“

«Что значит — решить шахматную задачу?» — спрашивает Коля Стеклов из Брянска и некоторые другие новые рыцари.

АРЧЕБЕК

Решить задачу «Белые дают мат в 2 хода», это значит — найти за белых такой ход, после которого ни один ответ черных (даже самый лучший!) не спасет их от мата.

То же самое и в задаче на мат в 3 или больше ходов. Решить ее — значит найти за белых такие ходы, при которых никакие защиты черных не помешают выполнить задание.

Белые: Kpa1, Фh1, Лg1, Сb4; черные: Крс2, Сd1. Мат в два хода. Какой же ход решает эту задачу? Только 1. Лg1—g4! (в задачах всегда начинают белые). И пусть черными играет хоть гроссмейстер — он не избежит мата на следующем ходу. Убедись сам: перепробуй все ответы черных и при каждом объяви им мат.

Доблестные рыцари! Бюро готово ответить на ваши вопросы! А пока проверьте себя — решите задачу. Белые: Kpf6, Фа6; черные: Kph8, Ch7, Ka8, п. g 6. Мат в два хода.

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

Из штаба АРЧЕБЕКА передают: операция по поимке банды Шефа (смотри «Костер» за 1969 г.) успешно завершена: все бандиты и молодчики из лже-команды выловлены!

В операции участвовали 2406 бравых рыцарей-арчебековцев, которые с честью выполняли боевые задания. Лучшим присвоены спортивные разряды — 4-ый (182 рыцаря), 3-ий (158 рыцарей) и 2-ой (12 рыцарей). Им вручены билеты и значки спортсмена-разрядника.

Особо отличившиеся рыцари награждены дипломами и призами. Фамилии призеров читайте в следующем сообщении ТАШШ!

ЗАЙДИТЕ ПОЛАКОМИТЬСЯ!

Сегодня кафе «Проходная пешка» угощает рыцарей-шашкистов. Пожалуйста, проходите и садитесь за столы — дежурный тут же подаст вам свежее испеченные кисло-сладкие позиции. Каждому по три!

А) белые: b2, d2, f4; черные: a5, c5, e7.

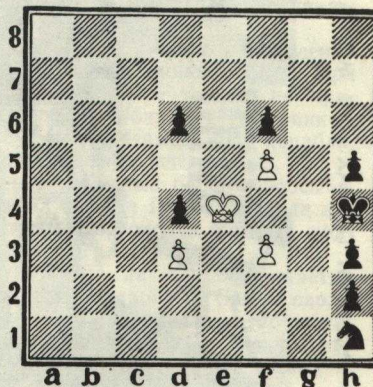
Б) белые: a3, b4, c3, e1, e3; черные: b6, b8, e5, f6, g7.

В) белые: a5, b4, c1, d2, e1, e3, g3, h2; черные: c7, d6, d8, e5, g5, g7, h6, h8.

Хотите полакомиться? Найдите, как белые выигрывают!

ПРОИСШЕСТВИЯ

В АРЧЕБЕК обратился некий неизвестный, который заявил, что на него неожиданно напал противник и отнял несколько его белых пешек и легкую фигуру. Пострадавший, пребывающий в плачевном положении (смотри диаграмму), умоляет помочь ему спастись на ничью.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-шахматистам — А) решить задачу бюро «Вопрос — ответ!», Б) помочь пострадавшему неизвестному, В) решить задачу арчебековца Михаила Белоусова (Сумы) — белые: Кра2, Ла8, Са6, Кd3, пп. b4, e2; черные: Кра4, Са7, п. e3. Мат в 3 хода.

§ 2. Рыцарям-шашкистам — посетить кафе «Проходная пешка».

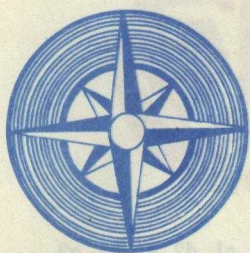
§ 3. Рыцарят — сыграть 25 партий!

§ 4. Срок присылки рапортов — до 1 мая. Помечайте на конверте АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес.

§ 5. Все дополнительно просившие о приеме — приняты!

§ 6. Рапорт можно присылать только один раз. Поправки и дополнения приниматься не будут.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

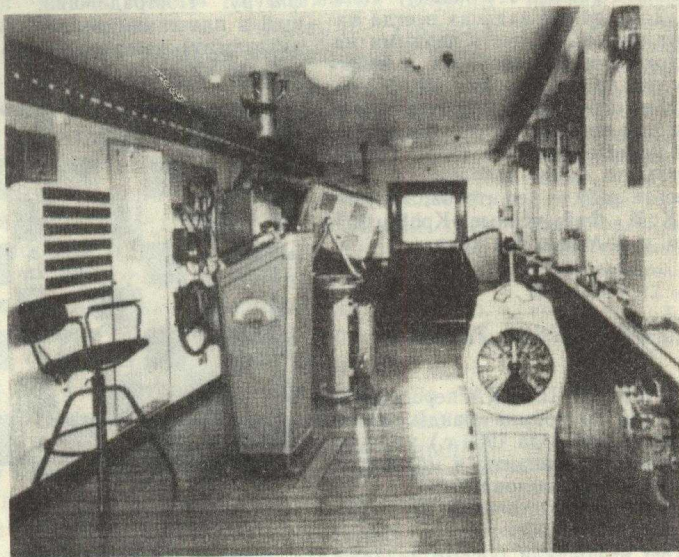

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В рулевой рубке чисто и, если судно не на ходу, — тихо. Стрелки машинного телеграфа стоят на «Стоп», репитер гирокомпы на нуле, указатель положения руля тоже переведен на ноль. Тут мозг корабля, управлять отсюда почетно.

Знаете, как может начаться первое плавание? Розовая вода озера, закат, едва заметная рябь на воде. Но летом — ветер, изнурительная качка, швартовка у случайного причала, тяжелые канаты...

Закончена учеба. Где пройдут первые годы службы? Может, на сверкающем краской и никелем пассажирском лайнере, а может, на Курилах, на маленьком боте, где машин, облегчающих труд, почти нет и добычу — трепангов — мнут ногами и поливают водой из черпака, прежде чем сложить в бочки и сдать на завод...

По-разному приходят люди на капитанский мостик и в рулевую рубку, но одно можно сказать уверенно — легких путей сюда нет!

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

МОЛОДЕЦ, САЛАЗОНОК!

В военно-морском лагере «Ракета» Витьке все нравилось. И то, что палатки там стоят прямо на берегу бухты, и то, что есть военные игры, и даже то, что мальчишки сами стирают себе рубы-рубашки, гладят их и пришивают пуговицы.

Вот только Виктору не везло.

Были соревнования по плаванию — первое место досталось Сереже Сучкову из первого взвода. Пошли на рыбалку, ребята всем взводом сто сорок рыб поймали, а у Витьки подцепился на крючок только один лиловатый крабешка.

Одно слово — салажонок. И неудачник.

Но вот началась самая большая военная игра.

— Высадить морской десант. Занять высоту, установить там радиостанцию! — такое задание получил Витькин третий взвод.

Вышел десант в море.

Витька греб изо всех сил, рубашка прилипла к спине, ладони горели. Наконец их шестивесельный ял вырвался вперед... Берег... Витька первым выпрыгнул на него.

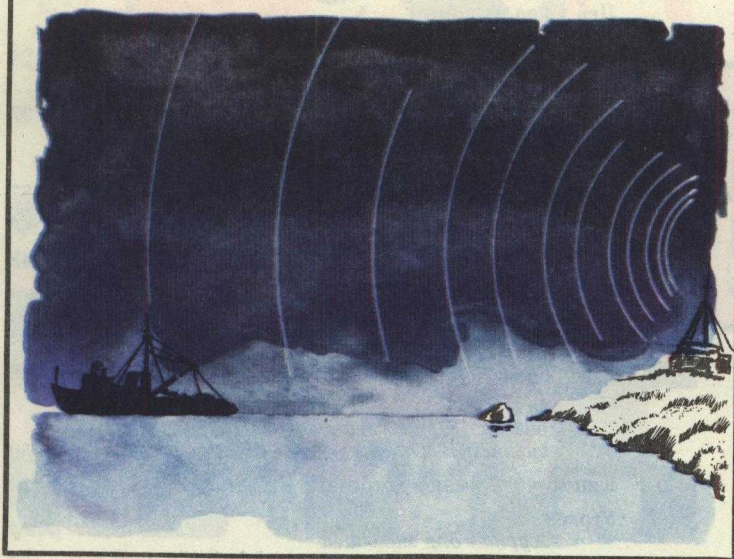
На сопку — высоту — он забрался тоже первым.

— Молодец, салажонок! — сказал вечером перед спуском флага Витьке командир флотилии.

Теперь к Витьке в лагере относятся уважительно: он знает на зубок все классы кораблей, хорошо вяжет морские узлы, знает азбуку Морзе.

В этом номере

6 февраля 1900 года новое средство связи — радио доказало, что оно необходимо не только на берегу, но и на море. Когда группа рыбаков была унесена на льдах в Балтийское море, радисты на острове Гогланд и в городе Котка быстро передали сообщение о несчастье. Корабли вышли в море и сняли рыбаков. Передачей сообщений между Коткой и Гогландом руководили изобретатель радио Попов и его помощник Рыбкин.

В рассказанной в прошлом номере газеты истории были такие ошибки.

Желтое море и Патагония далеко друг от друга. Сирокко — название средиземноморского ветра. Выражение «упал барометр» никто буквально не понимает. Упал барометр — значит упало давление, жди непогоду!

Далее: ост и вест направления взаимно противоположные. При ураганном ветре паруса не прибавляют, а убирают. Ахтерпик — помещение в самом носу корабля. До мостика от него далеко.

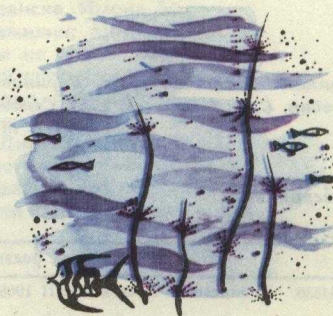
— А сложные были вопросы! — сказал боцман Румпель, когда капитан Быстроходов кончил подсчитывать ошибки.

— Я бы не сказал, — ответил доблестный моряк. — Самые сложные вопросы это те, которые кажутся простыми. Например: что такое рыба килька и что такое рыба шпрота?

— Э-ээээ... — начал было боцман, но капитан прервал его.

— Возможно, вы и знаете. Так что это — разные рыбы или одна и та же?

Этот вопрос капитана мы адресуем морским знатокам. Нельзя не знать рыб, с которыми мы сталкиваемся в магазине каждый день.

абвгдеёжзиклмнопростуфхцщзюя абвгдеёжзиклмнопр

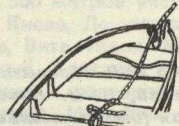

ПРОДОЛЖАЕМ ВЯЗАТЬ УЗЛЫ...

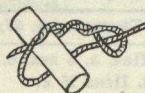
рыбацкий штык, им можно привязать шлюпку к берегу

шлюпочный узел, им крепят конец на буксируемой шлюпке (за переднюю скамейку — банку)

удавка, только название у этого узла смешное, а сам он затягивается всерьёз, очень крепко

абвгдеёжзиклмнопростуфхцщзюя

абвгдеёжзиклмнопростуфхцщзюя

абвгдеёжзиклмнопростуфхцщзюя

СОДЕРЖАНИЕ

Енисейская баллада В. Торопыгина фото Ю. Белинского и Р. Мазелева	1
За Литейным мостом главы из повести И. Булышкиной, Н. Ермоловича рисунки В. Бескаравайного	5
Стихи твоих ровесников рисунок Р. Попова	17
Мужское воспитание повесть Б. Никольского рисунки Н. Кустова	18
Страна Поэзия Владислав Шошин	27
Лев ушел из дома сказка Юрия Яковлева рисунки Н. Муратова	28
Читая книгу о юном партизане стихи Л. Мочалова	37
Тима пишет о счастье беседа А. Маркуши рисунок А. Януса	37
Советский павильон на ЭКСПО-70	40
Дружба	43
Третья «Зарница» репортаж Я. Длуголенского цветные фото Б. Ритова	44
Клуб мушкетеров «Ивовый прутик» веселая игра	48
Спидола рассказ Юрия Хазанова рисунки В. Орлова	50
Киноклуб. Зимняя встреча	53
Уголёк журнал для малышей рисунки И. Казаковой	57
Алло! Институт? Что нового?	59
Урок чемпиона	60
Арчебек	61
Морская газета	62

На 3-й странице обложки рисунок М. Беломлинского

На обложке автолитографии В. Курдова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Барина, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская
Рукописи не возвращаются

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-64533. Подписано к печати 20/ХІІ 1969 г. Формат 60×90½. Печ. л. 8 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 428000 экз.
Заказ № 1733. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

ПОЛЬЗА ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ

Кардинал Ришелье, первый министр Франции, на склоне лет стал бояться покушения на свою жизнь. Как-то раз его новый лакей, плутоватый малый и любитель поест, стянул с хозяйского стола жареную баранью ногу и, желая полакомиться без помех, спрятал ее подальше — прямо под огромную кровать кардинала.

Перед сном Ришелье проверил, исправны ли засовы, не расшатаны ли ставни, не прячутся ли по углам заговорщики. Заглянул он и под кровать.

— Что это?! — грозно вскричал он, потрясая перед носом лакея бараньей ногой.

— Не знаю, — дрожа ответил слуга. — Должно быть, подарок вашему преосвященству.

— Яд! — мелькнуло в голове Ришелье. — А слуга подкуплен!

И, протянув баранину перепуганному насмерть лакею, он с угрозой в голосе промолвил:

— Ешь!

И лакей, мгновенно осмелев, славно поужинал под сверлящим взглядом кардинальских глаз.

КТО ПЕРВЫЙ?

В кроссе на 500 метров участвовали пять юных спортсменов из Архангельска, Киева, Ленинграда, Москвы, Смоленска. Имена бегунов: Сережа, Витя, Женя, Миша, Юра. Их фамилии: Морозов, Диваев, Синицын, Плоский, Казаков. Однако мы не знаем конкретно, какое имя и фамилию носит тот или иной спортсмен и из какого он города. Известно только, что победил ленинградец, а Морозов проиграл киевлянину полсекунды. Женя завоевал второе место. Казаков энергично финишировал. Диваев прибежал четвертым. Витя не рассчитал сил и сошел с дистанции. Синицын был киевлянином. В начале состязания предсказывали, что самым быстрым окажется один из трех: Витя, Женя или Сережа. Прогноз оказался верным.

Назовите имя и фамилию победителя.

ТЫ СТРЕЛЯЙ, МОЯ ВИНТОВКА
ЗАЛИВАЙСЯ, ПУЛЕМЕТ

ТЫ ЛЕТИ, ЛЕТИ, ЛИСТОВКА,
КТО ПРОЧТЕТ ЕЕ ПОЙМЕТ,

ДЛЯ ЧЕГО ВОЙНУ ВЕДЕМ,
ОТЧЕГО БУРЖУА БЬЕМ.

ОГНЕННЫЕ КОНИ

Тот, кто хоть раз держал в руках «Лесную газету» Бианки или «Рикки-Тикки-Тави» Киплинга, обязательно помнит выразительные и очень точные рисунки Валентина Ивановича Курдова, заслуженного деятеля искусств, известного иллюстратора многих детских книг.

Валентин Иванович — большой знаток и любитель природы, страстный охотник, неутомимый путешественник. Как и полагается охотнику, Курдов любит наблюдать жизнь незаметно, всегда у него под рукой блокнот для путевых зарисовок. Потом из этих зарисовок возникают целые графические циклы — «На целине», или «Заполярье», или листы, рассказывающие о Средней Азии, об Урале, о Монголии, Корее, Финляндии.

Курдов любит и умеет рисовать пейзаж и животных, но во всех поездках его прежде всего привлекают люди.

В последнее время художник занят историко-революционной темой. Недавний цикл его литографий назывался «За власть Советов». Новые работы Курдова развивают и углубляют полюбившиеся ему сюжеты. Цикл «Красные и белые» посвящен рождению легендарной конницы Буденного. Яркие красочные листы по своему изобразительскому решению похожи на лубок, они как бы перекликаются с творчеством художников 20-х годов. Каждый лист сопровождается строками поэта А. Введенского.

Взгляните на эту «Тачанку», окунитесь мысленно в атмосферу тревоги, горения духа, испытайте изумительное ощущение полета на красных бешено скачущих конях, —

«Было вначале шесть партизан
В первом отряде Семена Буденного,
Но из рабочих, матросов, крестьян
Выросла Первая Конная».

О. Колесова